

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед
Часть 9
Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2020. № 4. С. 86–94. № 5. С. 86–94. № 6. С. 87–94. № 7. С. 87–94.

1

Документы показывают, что инициатива проведения репрессивной операции против «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» официально исходила от руководства НКВД.

17 июня 1937 года начальник УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронов направил секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе и наркому внутренних дел Н.И. Ежову справку о раскрытии на территории края кадетско-монархической и эсеровской организации, готовившей по заданиям японской разведки и «Российского Обще-Воинского Союза» вооруженный переворот и захват власти. В ней сообщалось, что базой для формирования повстанческих кадров являлись «кулаки-спецпереселенцы, размещенные в Нарымском округе и городах Кузбасса. Командные кадры для руководства повстанческими формированиями вербовались из числа белого офицерства»¹. В приложенной к этой справке докладной записке Миронов писал о том, что было бы желательно, «с одной стороны, ускорить присылку ко мне выездной сессии военного трибунала для рассмотрения дел по японо-немецким, троцкистским, шпионским и другим делам, в предусмотренном ранее порядке. На 500 человек в ближайшие дни дела будут оформлены и, с другой стороны, либо

¹ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н.Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири». 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание Документы и материалы Том 5. 1937 -1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 256.

предоставить нам право на месте в упрощенном порядке через спецколлегию краевого суда или спецтройку [на] вынесение В[ысшей] М[еры] Н[аказания] по эсеровско-ровским делам², где преимущественно проходят кулаки, бывшие люди, или ссыльное бывшее белое офицерство»³. В конце докладной записки начальник УНКВД Западно-Сибирского края сообщал: «Тов. Эйхе, которому я дал один экземпляр этой справки, собирается в директивных инстанциях просить согласия на создание тройки».

22 июня 1937 года нарком Ежов переслал докладную записку и справку Миронова секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину, указав в сопроводительном письме: «Считаю необходимым разрешить образование в З[ападно-] С[ибирском] К[рае] тройки по внесудебному рассмотрению дел по ликвидированным антисоветским повстанческим организациям»⁴.

Дальнейшее развитие этой инициативы было связано с Пленумом ЦК ВКП (б), открывшимся 23 июня 1937 года. Он стал одним из самых загадочных событий в истории коммунистической партии Советского государства. Пленум продолжался семь дней — до 29 июня, но сохранившаяся в архиве стенограмма заседаний охватывает лишь последние три дня его работы⁵. Стенографические записи заседаний первых четырех дней Пленума не велись или их по каким-то причинам уничтожили.

Информационное сообщение об этом Пленуме появилось в газете «Правда» только 30 июня 1937 года, на следующий день после

² В данном случае имеются в виду сфабрикованные в УНКВД Западно-Сибирского края уголовные дела на бывших эсеров и лиц, действовавших якобы по заданиям созданной 1 сентября 1924 г. генералом П.Н. Врангелем русской белоэмигрантской организации, называвшейся «Российским общевоинским союзом» или сокращенно — РОВС. — В.Т.

³ Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину о необходимости создания тройки в Западно-Сибирском крае. 22 июня 1937 г. // Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 333.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Машинописный текст стенограммы заседаний пленума ЦК ВКП (б) с 27 по 29 июня 1937 г. хранится в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 2. Д. 616). Часть стенограммы заседания 27 июня 1937 г., посвященная докладу Я.А. Яковлева о проекте Положения о выборах в Верховный Совет СССР и его обсуждению, опубликована в сборнике: «Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников» (М., 2010. С. 677–702).

завершения его работы. Даты открытия и закрытия Пленума в нем не были указаны, говорилось лишь о том, что «на днях закончился очередной Пленум ЦК ВКП (б)». После этого шло краткое описание принятых решений: «Пленум рассмотрел проект „Положения о выборах в Верховный Совет СССР" и одобрил его. Далее Пленум рассмотрел вопросы: а) об улучшении семян зерновых культур, б) о введении правильных севооборотов и в) о мерах улучшения работы МТС. Пленум одобрил проект постановления СНК СССР о мерах по улучшению семян зерновых культур. Внесенный Комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект введения правильных севооборотов Пленум одобрил в основном для опубликования в печати и всестороннего его обсуждения с тем, чтобы вопрос рассмотреть вторично на следующем Пленуме ЦК. Предложения НКЗ СССР об улучшении работы МТС Пленум передал, как материал, на обсуждение местных партийных и советских организаций»⁶.

Официальный «порядок дня» июньского Пленума 1937 года, приведенный в каталоге повесток дня пленумов РКП (б) и ВКП (б), который был составлен сотрудниками бывшего Центрального партийного архива (ныне – РГАСПИ) на основе документальных материалов, дает несколько больше информации об этом собрании высшего партийного органа, нежели приведенное сообщение газеты «Правда». Он показывает, что на рассмотрение членов ЦК ВКП (б) были вынесены следующие вопросы:

- «1. О новом избирательном законе [«Положение о выборах в Верховный Совет СССР»].
2. Об улучшении семян зерновых культур (Я. Яковлев).
3. О введении правильных севооборотов (М. А. Чернов).
4. О мерах улучшения работы машинно-тракторных станций (М. А. Чернов).
5. О курсах подготовки руководящих партийных кадров (А. А. Жданов).
6. Персональные дела [решения Политбюро от 31 марта – 1 апреля, 17 – 22 мая, 25 – 26, 30 мая 1937 г., разосланные на утверждение опросом,

⁶ Информационное сообщение об очередном Пленуме ЦК ВКП (б) // Правда. 1937. № 178 (7144). 30 июня. С. 1.

об исключении из членов ЦК и из партии Ягоды, Кабакова, Уханова и др. из состава кандидатов и членов ЦК и из рядов партии Рудзутака, Тухачевского, Якира, Уборевича]»⁷.

Указанные вопросы действительно рассматривались на Пленуме, но только в последние три дня его работы. Стенограмма заседания Пленума, состоявшегося 27 июня 1937 года, начинается с сообщения председательствовавшего В.М. Молотова: «Переходим к обсуждению второго вопроса. Слово для доклада имеет товарищ Яковлев»⁸. Однако доклад о проекте Положения о выборах в Верховный Совет СССР был обозначен в информационном сообщении о Пленуме и в его «порядке дня» первым вопросом. Значит на самом деле до его рассмотрения пленум обсуждал некий секретный вопрос, но какой?

Некоторый свет на эту тайну проливает хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории среди материалов июньского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года подписанный лично Сталиным протокол его заседаний. Из него следует, что 23, 25 и 26 июня высший партийный орган решал вопрос об ответственности за преступления целой группы членов и кандидатов члены ЦК ВКП (б), и в результате все они были исключены из состава высшего партийного органа, их дела были переданы в НКВД. В протоколе названы в списках исключенных из состава членов и кандидатов в члены ЦК 26 человек, выведенными из контрольно-ревизионной комиссии ЦК указаны два человека, отдельно назван в качестве исключенного из кандидатов в члены ЦК и членов партии нарком здравоохранения СССР Г.Н. Каминский. Таким образом, партийным наказаниям было подвергнуто 29 человек, но к ним можно добавить также И.А. Пятницкого⁹, которого

⁷ Повестки дня пленарных заседаний Центрального комитета РКП (б), ВКП (б) март 1919 – февраль 1941 гг. // Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.). Вып. 4. М., 2008. С. 400

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 616. Л. 1.

⁹ Иосиф Аронович Пятницкий (Таршис) с августа 1922 до августа 1935 г. являлся секретарем исполкома Коминтерна, а затем был заведующим политико-административным отделом ЦК ВКП (б). 7 июля 1937 г. он был арестован, а на пленуме ЦК ВКП (б) 12 октября того же года его исключили из состава высшего партийного органа (Из стенограммы заседания пленума ЦК ВКП (б) 12 октября 1937 г. // Сталинское Политбюро. Сборник документов. М., 1995. С. 157).

этот Пленум, хотя не вывел из ЦК, но 25 июня выразил политическое недоверие и лишил права присутствовать на последующих заседаниях.

Любопытно, что в протоколе заседаний Пленума ничего не говорится о заседании, состоявшемся 24 июня. Весьма сомнительным представляется и то, что на заседании 23 июня был рассмотрен лишь указанный в протоколе вопрос – об ответственности трех членов ЦК и четырех кандидатов в члены ЦК. На основе других документов и воспоминаний участников Пленума можно довольно уверенно утверждать, что первым и главным предметом рассмотрения на июньском Пленуме ЦК был доклад Н.И. Ежова о деятельности НКВД. Окончательный «порядок дня» Пленума, открытие которого назначили на 23 июня, был утвержден на заседании политбюро 19 июня. И в нем первым вопросом стояло «сообщение т. Ежова»¹⁰. Неслучайно, среди почетных гостей, приглашенных на Пленум, оказалось почти все руководство НКВД СССР.

О том, что доклад наркома внутренних дел действительно прозвучал на Пленуме и скорей всего в первый же день его работы, свидетельствуют воспоминания ряда его участников. Вместе с тем в центральном архиве ФСБ сохранилась копия документа, который можно назвать тезисами или конспектом этого доклада. Его содержание, занимающее с материалами для иллюстрации выводов 67 листов¹¹, не вызывает никаких сомнений в том, что перед нами текст доклада, подготовленного именно для июньского Пленума ЦК ВКП (б).

Н.И. Ежов постарался представить участникам Пленума картину заговора, который многочисленные антисоветские организации готовили против руководства коммунистической партии и Советского государства. Он назвал тринадцать таких формирований, указав, что «перечислил только главнейшие. Кроме этих почти во всех краях и областях вскрыты антисоветские формирования, сблокировавшие

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 780. Л. 2.

¹¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 1–183. Основная часть этого документа опубликована в двух изданиях: Тезисы доклада Н.И.Ежова на июньском Пленуме ЦК ВКП(б). Не позднее 22 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. С. 306–308. Конспект доклада Н.И. Ежова на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП (б). 23 июня 1937 г. // *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009. С. 293–312.

правых, троцкистов, зиновьевцев, эсеров, меньшевиков и других»¹². При этом на первое место нарком внутренних дел поставил «военно-фашистский заговор во главе с крупнейшими командирами Красной Армии — Тухачевским, Гамарником, Якиром, Уборевичем, Корком, Эйдеманом и другими», на второе — «право-фашистский заговор в НКВД, возглавляемый Ягодой», третьей назвал «кремлевскую право-фашистскую группу заговорщиков» во главе с бывшим секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе.

Из перечисленных Ежовым тринадцати антисоветских организаций только «крупная организация правых в Западной Сибири, объединяющая партизанско-повстанческие кадры среди переселенцев» не связывалась им с какими-либо высшими должностными лицами партийного и государственного аппарата. Руководителями всех остальных антисоветских формирований, то есть главными заговорщиками, нарком внутренних дел назвал партийных секретарей и высокопоставленных чиновников.

Определенные основания для этого у Ежова имелись. А.С. Темкин, знавший И.А. Пятницкого по совместной революционной работе в 1917 году, в конце июня 1938 года оказался в Лефортовской тюрьме и целый месяц своего заключения провел с ним в одной камере. В 1963 году он поведал сыну И.А. Пятницкого Владимиру Иосифовичу следующее: «Тов. Пятницкий, говоря о Сталине, рассказал, что в партии имеются настроения устранить Сталина от руководства партией. Перед июньским Пленумом 1937 года состоялось совещание — "чашка чаю", — как он мне назвал, с участием его, Каминского и Филатова (эти имена я помню). О чем они говорили, он мне не рассказывал. Сталин узнал об этой "чашке чаю" (как говорил тов. Пятницкий) от ее участника. Он называл Филатова»¹³.

¹² Конспект доклада Н.И. Ежова на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП (б). 23 июня 1937 г. С. 294. Тезисы доклада Н.И.Ежова на июньском пленуме ЦК ВКП(б). Не позднее 22 июня 1937 г. С. 306.

¹³ Рассказ Арона Семеновича Темкина // *Пятницкая Ю.И. Дневник жены большевика*. Бенсон, 1987. С. 167. Сообщение об этом совещании старых большевиков, желавших устранить Сталина, также привел в своей книге «Портрет тирана» А.В. Антонов-Овсеенко (сын большевика В.А. Антонова-Овсеенко) и также со ссылкой на человека, сидевшего в июле 1938 г. в одной камере Лефортовской тюрьмы с И.А. Пятницким. Правда, назван он почему-то не

О том, что действительно было предпринято указанными «заговорщиками» на Пленуме трудно сказать с полной определенностью. Из воспоминаний людей, лично знавших Г.Н. Каминского и И.А. Пятницкого, можно сделать вывод о том, что они выступали на Пленуме с некими критическими замечаниями, но какого рода была на самом деле эта критика, можно только предполагать.

Согласно воспоминаниям друга Каминского главного врача центральной лечебной комиссии при ЦК КП (б) Украины Ивана Ильича Муковоза, Григорий Наумович возражал на Пленуме против незаконных арестов сотрудниками НКВД членов ЦК и правительства. «Летом 1937 года, — рассказывал И.И. Муковоз, — Григорий Наумович вызвал меня телеграммой из Харькова в Москву. Я готовился к большой нахлобучке за перерасход денег, отпущенных на строительство и расширение правительственных лечебно-медицинских учреждений на Украине. Утром, прямо с поезда придя в Наркомздрав, узнал, что Каминский на Пленуме ЦК. Я подумал, что могу воспользоваться своим пропуском для прохода в высшие учреждения, и действительно мне выдали разовый гостевой билет. Я прошел в боковую ложу, где уже сидели несколько человек.

Председательствовал на заседании Сталин. За трибуной стоял нарком внутренних дел Ежов. Он сообщал, сколько партийцев за последнее время выявлено в качестве врагов народа и арестовано, называл фамилии и должности осужденных органами НКВД. После его выступления все участники пленума подавленно молчали.

— Кто хочет сказать, спросить? — обратился председательствующий к залу.

В ответ — гробовая тишина.

— Может быть, кто-то хочет высказаться? — вторично предложил Сталин. И опять мертвая тишина.

Вдруг со своего места во втором или третьем ряду поднялся Каминский.

– Разрешите?.. Я хочу сказать, что мне непонятно, почему членов ЦК, членов правительства сотрудники НКВД арестовывают в нарушение Устава партии. Кроме того я хочу заявить, что многих из перечисленных здесь “врагов народа” я знаю как честных коммунистов, преданных делу социализма.

Сталин гневно перебил:

– А вы, случайно, не друзья с этими врагами?

– Они мне вовсе не друзья.

– Ну тогда, значит, и вы одного с ними поля ягода!

После еще нескольких реплик Сталин, взвинченный до предела, объявил перерыв»¹⁴.

Интересно, что на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) Г.Н. Каминский в своем выступлении тоже критиковал НКВД, но не за увеличение арестов, а напротив – за недостаточное их количество, за отказ бывшего наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды арестовывать тех лиц, о враждебной деятельности которых он подавал сигнализировал. Выступая 3 марта на утреннем заседании Пленума Каминский вещал: «Тов. Сталин и ЦК прямо говорили, что неизбежно оживление троцкистской и правой сволочи, что надо быть начеку. Как раз в это самое время троцкисты, правые и другие двурушники начали готовить оружие террора против руководителей нашей партии. Как раз в это время они начали снюхиваться с разными иностранными разведками, готовили прямую продажу нашей страны японскому и германскому фашизму. Это надо было понять, почувствовать, уловить чекистам тем более, что сигналы были. Вместо этого налицо оказалась преступная политическая близорукость, ведомственная бюрократизация и засорение аппарата ГУГБ в самое серьезное и опасное время»¹⁵. При этом Н.И. Ежова, заменившего Ягodu на посту наркома внутренних дел, Каминский в этой речи хвалил и заверял, что возглавляемый им наркомат здравоохранения окажет помощь НКВД в разоблачении врагов народа. «Ответственность каждого руководителя, – утверждал он, – сейчас не только не уменьшается, а возрастает во сто крат в свете

¹⁴ Цит. по: *Жаворонков Г.Н., Парийский В.И.* Сказавший будет услышан // Они не молчали. М., 1991. С. 209.

¹⁵ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 25.

уроков вредительства и ошибок НКВД. Нужно быть совершенно безнадежным человеком, чтобы не сделать для себя этого вывода из доклада тт. Молотова, Ежова и Кагановича. Когда т. Молотов произносил свою речь, то у каждого получилось впечатление, каждый почувствовал, что надо кончить с присущей нам многим политической доверчивостью, благодушием и слепотой. Я лично про себя скажу, про работу органов здравоохранения. Нет сомнения, что только из-за неумения органов Наркомздрава мы не можем открыть таких дел, которые наверное есть и в области бактериологической работы и в области эпидемической. Ясно, что там большая почва для вредительства и диверсий, мы просто еще не добрались до этого, как следует»¹⁶.

Оценивая рассказ И.И. Муковоза о выступлении Каминского на июньском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года с точки зрения речи наркома здравоохранения на февральско-мартовском Пленуме, нельзя не усомниться в его достоверности. Тем не менее не уйти от факта, что Каминский все-таки сказал на июньском Пленуме что-то сильно не понравившееся Сталину и его сторонникам в руководстве ВКП (б). Выступление Каминского состоялось скорей всего вечером 24 июня. Тогда же мог выступить и Пятницкий с критикой Ежова и, возможно, Сталина¹⁷. Как бы то ни было, 26 июня Пленум вынес решение:

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Младший сын И.А. Пятницкого Владимир Пятницкий привел в своей книге, посвященной отцу, переданный ему Владимиром Губерманом рассказ Л.М. Кагановича о выступлении Иосифа Ароновича на июньском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Владимир Губерман был сыном заведующего канцелярии Кагановича Самуила Губермана, поэтому Лазарь Моисеевич ему доверял и мог сказать ему больше, чем другим. По словам В. Губермана, Каганович якобы рассказал ему, что «в 1937 году на июньском Пленуме ЦК рассматривался вопрос о дальнейшей судьбе «право-троцкистского блока» и, в частности, Бухарина. Сталин настаивал на физическом уничтожении всех представителей правой оппозиции и предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией — с «врагами народа» и получил полную поддержку. Но вдруг совершенно неожиданно со Сталиным не согласился Пятницкий. Он категорически возражал против физического уничтожения Бухарина и их соратников. Пятницкий сказал, что за фракционную деятельность достаточно исключить их из партии и этим ограничить их влияние, отстранить от политической деятельности, он предложил и в дальнейшем использовать их опыт и знания в народном хозяйстве. Высказался Пятницкий и против предложения Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий. Он охарактеризовал Ежова как бездушного и жестокого человека» (*Пятницкий В.И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории.* Минск, 2004. С. 426–427).

«Исключить Каминского как не заслуживающего доверия из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии»¹⁸.

Некоторые детали того, что говорил Каминский в своем выступлении на июньском Пленуме, раскрыл позднее Н.С. Хрущев. На первом заседании июльского Пленума ЦК КПСС 1953 года, посвященном обсуждению «преступных антипартийных и антигосударственных» действий Л.П. Берия, он сказал: «Товарищи, вспомните Пленум ЦК в 1937 году. Тогда с этой трибуны было заявлено, что Берия работал в контрразведке в Баку. Это сказал Каминский. Тогда же было сказано, что Берия работал в контрразведке по заданию партии, хотя доказательств этого не имеется никаких. Берия их не представил»¹⁹.

Сохранившиеся в документальных материалах июньского Пленума и в отрывочных воспоминаниях его участников сведения о том, что происходило в первые четыре дня его работы, показывают явное желание секретаря ЦК ВКП (б) Сталина и наркома внутренних дел Ежова направить репрессии не против бывших кулаков и белогвардейцев, а против правящего слоя советского общества — партийной и государственной бюрократии. Многие из выступавших на Пленуме этой настрой уловили и постарались его поддержать. Так, нарком земледелия СССР М.А. Чернов в докладе «О мерах улучшения работы МТС», прочитанном в последний день работы Пленума, сообщил: «Финансовое хозяйство многих машинно-тракторных станций крайне запущено. В результате перерасхода горючего, высокой стоимости и неудовлетворительного качества ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин, перерасхода средств на административно-хозяйственные нужды, — большинство машинно-тракторных станций

приведенному в дневнике жены И.А. Пятницкого Ю.И. Пятницкой

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 622. Л. 220.

¹⁹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 91. В воспоминаниях Н.С. Хрущева выступление Каминского на июньском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. было представлено в немного более подробном виде. По словам Хрущева нарком здравоохранения сказал: «Тут все, выступая, говорят обо всем, что они знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы партии это было известно. Когда в 1920 году я был направлен в Баку и работал там секретарем ЦК Компартии Азербайджана и председателем Бакинского Совета, ходили упорные слухи, что присутствующий тут товарищ Берия во время оккупации Баку сотрудничал в органах контрразведки мусаватистов не то, несколько ранее, английской контрразведки». (Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 253–254).

работает дорого. Многие директора машинно-тракторных станций средства, отпускаемые государством на оплату полевых работ, незаконно используют на неплановое строительство и на излишний капитальный ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин, а значительную часть отпущенных государством оборотных средств омертвляют в дебиторской задолженности. Все это приводит к систематической задержке выплаты зарплаты рабочим и служащим и несвоевременному выкупу горючего и запасных частей»²⁰. Не ограничившись перечислением прегрешений хозяйственных руководителей, Чернов назвал их вредителями, то есть по сути выдвинул против них политическое обвинение.

Обвинения тех или иных партийных и государственных сановников в хищениях, во взяточничестве, в финансовых махинациях, приписках, неспособности надлежащим образом руководить хозяйственными предприятиями, в контрреволюционных преступлениях, антигосударственной деятельности, шпионаже, саботаже и т. п. нередко звучали в Советском государстве с самого его возникновения. Но к лету 1937 года эти отдельные всплески возмущения слились в мощный поток целенаправленной государственной политики. Какая цель при этом преследовалась? Похоже, что, придавая политический характер экономическим преступлениям, Сталин стремился прежде всего усилить ответственность за их совершение.

В процессе широкой индустриализации Советского Союза количество преступных деяний экономического характера заметно возросло. Они наносили огромный ущерб народному хозяйству, между тем борьба с ними посредством обычных правовых средств не приносила быстрого положительного результата. Выступая с заключительным словом на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) председатель СНК СССР В.М. Молотов отмечал, что главным качеством хозяйственных работников, которое нужно в настоящее время нашей стране — это «знание дела, изучение дела». Вторым необходимым качеством он называл самокритику — «умение прислушиваться к голосу

²⁰ Из доклада М.А.Чернова «О мерах улучшения работы МТС» на июньском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б). 29 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. С. 310.

любого человека, большого и маленького, партийного и беспартийного, умение не отклонять любой сигнал по-бюрократически, по-чиновничьи, по-сановничьи, а прислушиваться к сигналу и делать выводы, не обязательно те, которые делает сигнализирующий человек, но учитывать, что есть полезного и правильного в любом сигнале»²¹.

На третье место в списке характеристик хозяйственного работника Молотов поставил честное отношение к государству. «Это кажется совершенно элементарным требованием, — пояснил он, — а между тем, у нас есть сплошь и рядом надувательство государства с поощрения руководителей, в том числе и партийных руководителей. Одни приписки угледобычи в Донбассе, что значат, где нас надувают из года в год. **Мы отдавали под суд, критиковали, но мало чего добились**»²² (выделено мною. — В.Т.).

Придание политического характера обвинениям в экономических преступлениях, объявление «врагами народа» расхитителей государственного имущества, воров и взяточников в полной мере соответствовало духу новой Конституции СССР и в особенности ее положениям, закрепленным статье 131, которая гласила: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Люди, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» (выделено мною. — В.Т.).

Обвинение нечистых на руку и не способных эффективно управлять хозяйством партийных секретарей и государственных сановников в подготовке антигосударственных заговоров, в саботаже и шпионаже в пользу иностранных держав, в других контрреволюционных преступлениях не давало им никакой возможности противостоять Сталину и его политике. У воров, взяточников, бездарных управленцев вполне могли обнаружиться защитники. Но у лиц, объявленных заговорщиками и тем более пособниками враждебных по отношению к Советскому Союзу иностранных держав, ни открытых

²¹ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 18.

²² Там же. С. 19.

защитников, ни сторонников быть не могло. А если появлялись такие люди, то их было очень мало, чтобы как-то повлиять на расстановку сил в руководстве партией и государством. Это убедительно показал состоявшийся в конце июня 1937 года Пленум ЦК ВКП (б).

28 июня 1937 года, за день до завершения работы Пленума, Политбюро приняло постановление о создании в Западно-Сибирском крае чрезвычайного органа — «тройки», что не в полной мере отвечало запросам НКВД. Начальник Западно-Сибирского управления внутренних дел С.Н. Миронов просил в своей записке от 17 июня предоставить право на вынесение высшей меры наказания «через спецколлегию краевого суда или спецтройку» в отношении участников «*кадетско-монархической и эсеровской организации*», готовившей «вооруженный переворот и захват власти», а нарком Ежов ставил вопрос о создании тройки для рассмотрения дел по «*ликвидированным антисоветским повстанческим организациям*». Указанное же постановление политбюро дозволило создать тройку для рассмотрения дел лишь относительно «*контрреволюционной повстанческой организации среди высланных кулаков*». 29 июня 1937 года начальник секретариата НКВД СССР Я.А. Дейч сообщил об этом решении политбюро Миронову²³.

Издание спустя несколько дней нового постановления Политбюро на ту же тему кажется странным и больше всего походит на уступку Сталина местным партийным секретарям и органам НКВД. В самом деле: положения постановления от 28 июня 1937 года, касавшиеся лишь Западно-Сибирского края, постановление от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах» распространило на всю территорию Советского Союза. Однако, если проанализировать этот документ более внимательно, в нем можно обнаружить ряд не очень удобных для местных партийных секретарей тезисов.

Во-первых, Политбюро не предписывает, а лишь **предлагает** всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным,

²³ «Для ускоренного рассмотрения дел по повстанческой организации среди высланных кулаков разрешено создать тройку под Вашим представительством с участием прокурора Баркова и т. Эйхе. Тройке разрешено в отношении активистов повстанческой организации среди высланных кулаков применять высшую меру наказания» (телеграмма № 255 начальника секретариата НКВД СССР Я.А. Дейча С.Н. Миронову. 29 июня 1937 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 145. Л. 292).

краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет кулаков и уголовников с тем, чтобы подвергнуть их аресту и применить к ним расстрел или высылку.

Во-вторых, учитывать для применения карательных мер оно предлагает не всех кулаков и уголовников, а лишь «**возвратившихся на родину**». То есть лица, проживающие там, куда они были сосланы, не подлежали ни учету, ни аресту, ни тем более наказаниям.

В-третьих, состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке, Политбюро предлагает представить для утверждения в пятидневный срок. Кто мог успеть это сделать в отведенное время? Лишь наиболее жадные до крови партийные секретари. Но тем самым они сразу выдавали себя.

Изданный 30 июля 1937 года «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» был в тот же день направлен заместителем наркома внутренних дел М.И. Фриновским секретарю Сталина А.Н. Поскребышеву со следующей припиской: «Прошу постановление послать членам Политбюро для голосования и выписку прислать т. Ежову»²⁴.

31 июля Политбюро постановило утвердить представленный накануне текст ежовского приказа. Подписи на первом листе оригинального текста постановления Политбюро показывают, что за него проголосовали Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов, Чубарь, Микоян. Согласие Калинина было получено по телефону.

Приказ наркома внутренних дел от 30 июля 1937 года предписывал: карательную операцию против бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов «начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок»²⁵. Для Туркменской, Таджикской, Узбекской и Киргизской ССР ее начало было назначено на 10 августа с.г., а для Восточно-Сибирской области, Красноярском и Дальневосточном краях

²⁴ Записка М.И. Фриновского в Политбюро ЦК ВКП (б) с приложением оперативного приказа НКВД СССР № 00447 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937 – 1938. М., 2004. С. 273.

²⁵ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». 30 июля 1937 года // АП РФ. Ф 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 67.

– на 15 августа. Политбюро утвердило эти даты и срок и приняло меры для материального обеспечения операции, выделив наркомату внутренних дел из резервного фонда СНК 75 миллионов рублей и обязав наркомат путей сообщения «предоставить НКВД по его заявкам подвижный состав для перевозки осужденных внутри областей и в лагеря»²⁶.

С юридической точки зрения «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447» был весьма странным. Его содержание не соответствовало и даже противоречило принципам Конституции СССР 1936 года. Будучи по своему статусу подзаконным нормативным актом, он вводил нормы, которые могли быть установлены только законом. Все деяния, за которые «бывшие кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы» могли подлежать репрессиям, входили в понятие «контрреволюционные преступления», предусмотренное в уголовном законодательстве советских республик. Статьи действовавших в них уголовных кодексов устанавливали конкретные меры уголовного наказания – расстрел или лишение свободы – за «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции»²⁷. Изменить эти закрепленные законами меры можно было только другим законом, а не подзаконным нормативным актом.

В первом разделе приказа наркома внутренних дел от 30 июля 1937 года определялись «**контингенты, подлежащие репрессии**». Из текста следовало, что карательным мерам должны были подвергнуться не все бывшие кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы, а только

²⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б). Вопрос НКВД. 31 июля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 576. Л. 140.

²⁷ Указанное определение контрреволюционного преступления было дано в «Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)», принятом ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. В том же году его включили в уголовные кодексы советских союзных республик. В УК РСФСР оно было изложено в статье 58¹.

те из них, которые вели «активную антисоветскую деятельность», «активную антисоветскую подрывную работу», возобновили по отбытии наказания «свою преступную деятельность»²⁸. Называя среди лиц, подлежащих репрессиям, участников «ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований», данный нормативный акт допускал применение карательных мер не ко всем таким лицам, а только к тем, кто входил в категорию «наиболее враждебных и активных» и к тому же был изобличен «следственными и проверенными агентурными материалами»²⁹.

Таким образом, юридическим основанием для применения репрессий согласно положениям первого раздела приказа наркома НКВД № 00447 являлась антигосударственная преступная деятельность бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

Однако во втором разделе данного нормативного акта, посвященном «мерам наказания репрессируемым», прежде всего указывалось на статус бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. Все они разбивались на две категории: к первой были отнесены «все наиболее враждебные» из них, ко второй — «все остальные менее активные, но все же враждебные»³⁰. В соответствии именно с этими категориями, а не с конкретными преступлениями, приказ № 00447 распределял уголовные наказания. Лица, отнесенные к первой категории подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ»; а те, которые включались во вторую категорию, подлежали аресту и заключению в лагеря или тюрьмы «на срок от 8 до 10 лет»³¹. Уголовный кодекс РСФСР предусматривал назначение за совершение контрреволюционных преступлений высшей меры уголовного наказания — расстрела, но вместе с тем допускал и вынесение приговора к лишению свободы, причем на срок от шести месяцев до десяти лет. Приказ наркома НКВД № 00447 резко повышал

²⁸ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447. Л. 61-62.

²⁹ Там же. Л. 62.

³⁰ Там же. Л. 63.

³¹ Там же.

нижнюю планку такого наказания, выводя тем самым лиц, подлежавших репрессиям, за пределы действия советского уголовного законодательства.

Никаких более или менее четких критериев для признания одних лиц «наиболее враждебными», а других — «менее активными, но все же враждебными» в рассматриваемом нормативном акте не устанавливалось. Между тем отнесение кого-то из бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов к одной из двух указанных категорий уже предопределяло приговор. Приказ № 00447 допускал, таким образом, назначение уголовных наказаний, в том числе и расстрела, без настоящего расследования и судебного процесса. Это открывало неограниченный простор для личного произвола сотрудников местных органов внутренних дел. В связи с этим во втором разделе данного приказа были прописаны цифры, определявшие максимальное количество лиц, подлежавших репрессии по каждой из категорий. При этом было указано: «Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускаются... Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — во вторую категорию и, наоборот — разрешается»³². Возможность увеличения утвержденных лимитов на репрессии приказом допускалась, однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД были обязаны представить наркому внутренних дел обоснованное ходатайство об увеличении количества лиц.

Предписанный в третьем разделе приказа № 00447 порядок проведения карательной операции предполагал сначала выявление лиц, подлежащих репрессии, и сбор подробных установочных данных и компрометирующих материалов. На их основе должны были составляться списки на арест. Подписанные начальниками оперативных групп, они отсылались на утверждение наркомам внутренних дел республик и начальникам управлений или областных отделов НКВД. Рассмотрев списки, именно эти должностные лица давали санкции на арест

³² Там же. Л. 66.

перечисленных в них лиц. Между тем статья 127 принятой в декабре 1936 года Конституции СССР устанавливала: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Согласно пункту 7 третьего раздела приказа № 00447 при арестах надлежало производить тщательный обыск. Обязательному изъятию подлежали: «оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка»³³.

Приказ требовал проводить следствие «ускоренно и в упрощенном порядке», выявляя «все преступные связи арестованного»³⁴.

По его окончании дело на арестованного³⁵ должно было направляться на рассмотрение не суда, а тройки — в составе наркома внутренних дел республики или начальника краевого или областного управления НКВД, местного прокурора и секретаря партийного комитета. Председателями троек в силу постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 июля 1937 года стали руководители местных органов НКВД³⁶.

Персональный состав троек с именами руководителей органов внутренних дел, местных прокуроров и партийных секретарей приводился в тексте самого приказа. Рассмотрев представленные им материалы, тройки относили арестованных к первой или второй категории, в зависимости от степени их социальной опасности и характера материалов, что означало одновременно вынесение приговора — к расстрелу или лишению свободы. Таким образом, **никакого судебного разбирательства приказ № 00447 не предусматривал**. И соответственно не предполагал обжалования приговора. Его исполнение возлагалось на

³³ Там же. Л. 69.

³⁴ Там же.

³⁵ IV раздел приказа № 00447, определявший порядок ведения следствия, предписывал приобщить к делу: «ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение» (там же).

³⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б). Вопрос НКВД. 31 июля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 576. Л. 140.

начальника оперативной группы НКВД, то есть на лицо, которое производило арест и сбор предварительных компрометирующих арестованного сведений. В пункте 1 шестого раздела приказа № 00447, посвященном порядку приведения приговора в исполнение, устанавливалось, что основанием для этого являются: «заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение»³⁷. Пункт 2 того же раздела предусматривал: «Приговора по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение»³⁸.

А.Я. Вышинский был хорошо осведомлен о перипетиях разработки приказа № 00447 и подготовки предусмотренной этим нормативным актом карательной операции. Через два дня после того, как началось ее осуществление, прокурор СССР направил всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей и автономных областей, военных округов и железных дорог следующую шифrogramму с грифом «строго секретно»: «Ознакомьтесь в НКВД [с] оперативным приказом товарища Ежова 30 июля 1937 номер 00447. [В] соответствии [с] пунктом вторым раздела пятого обязываю прокуроров присутствовать на заседаниях Троек, где прокуроров [в] составе Троек нет. Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются. Решения Троек окончательны, об исключительных обстоятельствах связанных [с] рассмотрением дел меня информируйте. Дела о контингентах, указанных в разделе первом, еще судом не рассмотренных, передать в Тройки. Лично секретно информируйте только прокуроров [по] спецделам, также окружных прокуроров. Требую активного содействия успешному проведению операции. Возлагаю лично на Вас сохранение секретности в аппарате прокуратуры

³⁷ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447. Л. 76.

³⁸ Там же.

о проводимой операции. [О] ходе операции сообщайте лично мне шифром каждую пятидневку»³⁹.

Приведенный документ столь же странный по содержанию, как и приказ № 00447. В самом деле, если при его исполнении «соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются», то зачем было необходимо присутствие на заседании тройки прокурора — должностного лица, призванного следить за соблюдением законности? С другой стороны, информация об операции, причем самая полная, шла в Москву по линиям НКВД и коммунистической партии. Зачем прокуроры обязывались собирать о ней информацию? Очевидно, что приказ № 00447 и все, что происходило в процессе его исполнения, имели какой-то глубинный смысл, скрытый даже от исполнителей.

2

Репрессивная операция против бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов, начавшаяся с 5 августа 1937 года, не просто сопровождалась массовыми нарушениями законности — она сама по себе являлась беззаконием, проходила вне правового поля, созданного новой советской конституцией, советским уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. С этой точки зрения изданное прокурором СССР Вышинским 7 августа 1937 года строго секретное предписание местным прокурорам активно содействовать «успешному проведению операции» с оговоркой, что для нее не требуются «соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест», явно противоречило статье 113 Конституции СССР 1936 года, возложившей на прокурора СССР «высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР».

Подобным образом прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры республик, краев и областей отнеслись и к развернув-

³⁹ Шифрограмма № 973/ш/19723 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 98–99.

шимся с конца июля 1937 года массовым репрессиям против советских граждан иностранного происхождения. Прокуратура, предназначенная надзирать за соблюдением законов, старалась не замечать противоречия этих действий нормам советской конституции, советскому уголовному и уголовно-процессуальному законодательству, закрывала глаза на творившееся при их осуществлении вопиющее беззаконие.

Репрессии по национальному признаку так же, как и репрессии против кулаков, уголовников и других антисоветских элементов проводились на основе строго секретных приказов наркома внутренних дел, издававшихся, как правило, по предложению руководства ВКП (б). В течение второй половины 1937 года появилась целая серия таких нормативных актов.

20 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло следующее постановление: «Предложить т. Ежову дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т.п.), и высылке части арестованных за границу. Копию приказа прислать в ЦК. О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК»⁴⁰.

25 июля Н.И. Ежов подписал и ввел в действие по телеграфу оперативный приказ № 00439, которым обязал органы НКВД республик, краев и областей в течение трех дней составить списки и начиная с 29 июля приступить к арестам всех проживающих на их территории «германских подданных, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном

⁴⁰ Постановление ЦК ВКП (б). Вопрос НКВД. 20 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 250–251. К машинописной копии протокола этого заседания Политбюро, хранящейся в Архиве президента РФ (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 79) приложена записка И.В. Сталина со следующим текстом: «Всех немцев на наших военных, полувосенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 82). Данный факт показывает от кого исходила инициатива принятия постановления Политбюро об аресте всех немцев, работавших на советских оборонных заводах.

транспорте, а также уволенных с этих заводов»⁴¹. Оправдывалась эта операция тем, что «германский генеральный штаб и гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших и, в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных»⁴². Для полного пресечения этой деятельности арестовывались все немцы, работавших в советской военной промышленности и на железнодорожном транспорте. Сотрудники НКВД должны были выявить среди них агентов германской разведки, а для этого им вменялось в обязанность «следствие по делам арестованных вести особо тщательно», по его окончании направлять дела арестованных «в НКВД СССР, для последующего рассмотрения их Военной Коллегией или Особым совещанием НКВД»⁴³.

В начале августа 1937 года нарком внутренних дел представил в ЦК ВКП(б) проект приказа об операции против агентов польской разведки и членов подпольной «Польской организации войсковой» (ПОВ)⁴⁴. 9 августа Политбюро утвердило данный акт и 11 августа он был издан Ежовым под номером 00485.

На основании этого приказа с 20 августа подлежали аресту: «а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку; б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии; в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР; г) политэмигранты и политобмененные из Польши; д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий; е) наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов»⁴⁵. Завершить эту операцию предписывалось к 20 ноября 1937 года.

⁴¹ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел № 00439. 25 июля 1937 г. // Там же. С. 271.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Polska Organizacja Wojskowa (POW).

⁴⁵ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00485. 11 августа 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 302. Под «польскими районами» имелись в виду территории Украины и Польши, на которых проживало много поляков.

В составленной в начале 1963 года записке комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 1930-х годов приказ наркома внутренних дел № 00485 был назван оперативным приказом «о репрессировании лиц польской национальности»⁴⁶. В действительности репрессивные меры направлялись данным нормативным актом не на поляков как таковых, а на агентов польской разведки и членов местных отделений ПОВ.

Важно отметить, что среди сотрудников НКВД было немало поляков по происхождению. Поляком являлся и прокурор СССР Вышинский. Скорей всего, именно по этой причине было сочтено необходимым при рассылке оперативного приказа № 00485 от 11 августа 1937 года приложить к нему закрытое письмо за подписью наркома внутренних дел «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР»⁴⁷. В нем довольно подробно описывалась агентурная и подрывная деятельность польской разведки и «Польской организации войсковой» на территории Советского государства со времен гражданской войны и приводились многочисленные признательные показания арестованных поляков, обвиненных в проведении шпионской, антисоветской пропагандистской и вредительской работы.

Приказ № 00485, как и ранее изданный приказ № 00447, предписывал всех арестованных «по мере выявления их виновности в процессе следствия» разбить на две категории. К первой были отнесены подлежавшие расстрелу «все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки». Ко второй — подлежавшие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет

⁴⁶ Записка комиссии президиума ЦК КПСС в президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003. С. 614.

⁴⁷ Закрытое письмо НКВД СССР «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». 11 августа 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 303–321.

«менее активные из них»⁴⁸. Распределение арестованных поляков по категориям согласно приказу № 00485 должно было производиться на основе «агентурных и следственных материалов» наркомом внутренних дел республик, начальниками УНКВД области или края совместно с соответствующими прокурорами республик, области, края. Составленные в республиканских, краевых и областных органах внутренних дел списки арестованных «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности» каждого из них, и с проставленными в специальной графе против их фамилий цифрами 1 или 2, обозначающими категорию, к которой они были отнесены, направлялись на окончательное утверждение в Москву.

На практике страницы со сведениями об арестованных сшивались воедино, образуя нечто похожее на альбом, и в таком виде их передавали курьером в НКВД. Согласно приказу № 00485, списки должны были утверждаться «в НКВД СССР и прокурором Союза». После этого приговор надлежало немедленно привести в исполнение, то есть осужденных по первой категории расстрелять, а по второй — отправить в тюрьмы и лагеря⁴⁹.

«Польская операция» проводилась одновременной с серией иных карательных операций, и списки репресслируемых лиц шли в НКВД сплошным потоком. Поэтому их утверждение наркомом внутренних дел и прокурором СССР Вышинским (или их заместителями) могло быть лишь формальным. Участь арестованных в результате всех этих операций на самом деле предварительно определялась работниками аппарата республиканских, краевых, областных органов внутренних дел. Окончательное же ее решение было в руках тех сотрудников НКВД СССР, которые осуществляли проверку поступивших списков-альбомов и готовили их к утверждающей подписи.

* * *

Сохранившиеся документы показывают, что в центральном аппарате НКВД СССР такими сотрудниками во второй половине 1937-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00485. 11 августа 1937 г. С. 303.

го и в первой половине 1938 года являлись: начальник 8-го (учетно-регистрационного отдела) отдела ГУГБ СССР старший майор госбезопасности *Владимир Ефимович Цесарский*, начальник 1-го специального отдела НКВД (секретариата) майор (с 05.11.1937 г. — старший майор госбезопасности) *Исаак Ильич Шапиро* и начальник 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ комиссар госбезопасности 3-го ранга *Александр Матвеевич Минаев-Цикановский*.

В первой половине ноября 1938 года все названные сотрудники НКВД были арестованы по обвинению в антигосударственных преступлениях, и затем по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстреляны (А.М. Минаев-Цикановский — 25 февраля 1939 г., В.Е. Цесарский — 21 января 1940 г., И.И. Шапиро — 5 февраля 1940 г.).

В основу выдвинутых против них обвинений были положены показания их арестованных сослуживцев. Так, бывший начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР Израиль Яковлевич Дагин сообщил на допросе 15 ноября 1938 года: «Недопустимая безответственность существовала при рассмотрении дел по массовым операциям. Альбомы со справками по делам арестованных должно было рассматривать и выносить приговоры руководство Наркомата, но все дело передоверили ЦЕСАРСКОМУ и ШАПИРО, которые единолично решали вопрос о расстреле или иных мерах наказания»⁵⁰.

И.И. Шапиро пытался опровергнуть показания о том, что предварительно рассматривал альбомы и справки, предрешая вопрос о назначении арестованным лишения свободы или расстрела. «Я альбомы не рассматривал и по ним никаких решений не выносил, — утверждал он. — Когда я перешел на работу в 1-й спецотдел, Ежов предложил мне предварительно рассматривать альбомы и справки, но я категорически отказался от этого, указывая, что это дело 3-го отдела»⁵¹. Но о том, что Шапиро все же брал на себя определение участи арестованных и многих из них обрекал на расстрел, дали показания многие сотрудники НКВД. Работавший под его

⁵⁰ Из заявления арестованного Дагина И.Я. 15 ноября 1938 г. // *Дугин А.Н.* Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938 (взгляд изнутри). М., 2020. С. 74.

⁵¹ Из протокола допроса И. И. Шапиро. 3 октября 1939 г. // Там же. С. 123.

руководством бывший заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД С.А. Зубкин сообщил на допросе 27 декабря 1938 года: «Я твердо уверен, что ШАПИРО при рассмотрении так называемых альбомных дел провел большую вражескую работу, так как эти дела он рассматривал единолично. Между других дел, не прочитывая даже той коротенькой [сопроводительной] справки, не говоря уже о том, что он не ознакомился ни с одним следственным делом»⁵².

Подобные показания Зубкин дал и на В.Е. Цесарского. «Мне теперь совершенно ясно, — заявил он, — что при рассмотрении так называемых альбомных дел, которые ЦЕСАРСКИЙ рассматривал единолично, им проведена большая вражеская работа. Я очень часто замечал, когда входил в кабинет ЦЕСАРСКОГО и он, говоря по телефону или же с кем-нибудь из находящихся в кабинете, не читая альбомной справки, указывал ту или иную меру наказания, а больше всего, — букву “р”, что означало: расстрелять»⁵³. По словам С.А. Зубкина, «проведение вражеской работы при рассмотрении альбомных дел облегчалось еще и тем, что контроля за этой работой совершенно не было, так как бывшее руководство Наркомата — ЕЖОВ и ФРИНОВСКИЙ, а также Прокурор Союза ССР ВЫШИНСКИЙ и его заместитель РОГИНСКИЙ подписывали протоколы на три — четыре тысячи осужденных в несколько минут, не смотря даже справки»⁵⁴.

* * *

4 сентября 1937 года А.Я. Вышинский и Н.И. Ежов обратились к секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову с предложением оформлять «осуждение к лишению свободы на десять лет» по делам лиц, «ведущих антисоветскую деятельность польских перебежчиков, бывших членов ППС и т.д.» через «Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел

⁵² Собственноручные показания арестованного С. Я. Зубкина. 27 декабря 1938 г. // Там же. С. 159. Несмотря на эти показания, уличавшие И.И. Шапиро в тяжких преступлениях, 28 ноября 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением постановила: приговор ВК ВС СССР от 4 февраля 1940 г. в отношении И.И. Шапиро отменить «по вновь открывшимся обстоятельствам» и дело о нем прекратить «за отсутствием состава преступления».

⁵³ Там же. С. 157.

⁵⁴ Там же.

Союза ССР»⁵⁵. Политбюро согласилось с этим предложением и 5 сентября приняло следующее постановление: «По делам об антисоветской деятельности бывших польских перебежчиков, бывших членов ППС и т.п. разрешить Особому Совещанию при Наркоме Внутренних Дел Союза ССР назначать тюремное заключение на срок до десяти лет включительно»⁵⁶.

Упомянутое в записке прокурора СССР и наркома внутренних дел Особое совещание было создано постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 5 ноября 1934 года для применения в административном порядке таких карательных мер, как а) ссылка на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД СССР; б) высылка на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах Союза ССР; в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет; г) высылка за пределы Союза ССР иностранных подданных, являющихся общественно-опасными⁵⁷.

Особое совещание учреждалось под председательством наркома внутренних дел СССР в составе: заместителей наркома внутренних дел СССР, уполномоченного наркома внутренних дел СССР по РСФСР, начальника главного управления рабоче-крестьянской милиции, наркома внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело. В заседаниях Особого совещания обязательным было участие прокурора СССР или его заместителя, который «в случае несогласия как с самим решением Особого совещания, так и с направлением дела на рассмотрение Особого совещания», имел право внести протест в Президиум ЦИК СССР.

Новая редакция Положения об Особом совещании при НКВД СССР, утвержденная на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 8 апреля

⁵⁵ Записка Н.И. Ежова, А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову о расширении прав Особого совещания. 4 сентября 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 336.

⁵⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б). Вопрос НКВД. 5 сентября 1937 г. // Там же.

⁵⁷ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 5 ноября 1934 года № 22 «Об особом совещании при Народном Комиссаре Внутренних Дел Союза ССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением Делами СНК СССР. I отдел. 1935. № 11. 7 марта. С. 139.

1937 года, добавила к полномочиям этого органа право заключать в тюрьму на срок от пяти до восьми лет «лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности»⁵⁸. Для поляков-шпионов и террористов этот срок по предложению Вышинского и Ежова был увеличен до десяти лет.

Любопытно, что за полтора года до этого прокурор СССР высказывался против рассмотрения дел о контрреволюционной агитации и подготовке террористических актов Особым совещанием при НКВД СССР. В докладной записке Сталину и Молотову от 5 февраля 1936 года Вышинский обращал внимание руководителей коммунистической партии и Советского государства на невозможность надлежащим образом рассмотреть такого рода дела в Особом совещании. «Так как, — писал он, — все дела в Особом совещании рассматриваются заочно, без вызова обвиняемых и свидетелей, то рассмотрение особенно дел первых двух категорий и вынесение по ним решений Особым совещанием представляет значительные трудности и сопряжено с опасностью допущения ошибок. Эта опасность усугубляется еще и тем обстоятельством, что в ряде случаев эти дела проходят вообще без свидетелей и основаны на агентурных данных, а в ряде случаев по ним имеется лишь один свидетель, показания которого нередко расходятся с показаниями обвиняемых, категорически отрицающих свою вину. Между тем именно по этим делам необходима особо тщательная и всесторонняя проверка данных предварительного расследования»⁵⁹.

На основании этого Андрей Януарьевич ставил вопрос «о необходимости максимального ограничения рассмотрения Особым совещанием дел о контрреволюционной агитации, о контрреволюционных террористических высказываниях и т.п., с сосредоточением преимущественного рассмотрения таких дел в судах, где обязательен

⁵⁸ Положение об Особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел СССР (утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) 8 апреля 1937 г. // Политбюро и органы государственной безопасности. М., 2017. С. 481.

⁵⁹ Докладная записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову. 5 февраля 1936 г. // Там же. С. 458.

личный допрос обвиняемого и проверка показаний свидетелей, вплоть до очных ставок»⁶⁰.

Тогдашний нарком внутренних дел Г.Г. Ягода выступил против предложенного прокурором СССР ограничения полномочий Особого совещания. Вышинскому пришлось 16 февраля 1937 года повторно обратиться к Сталину и Молотову с докладной запиской, чтобы развенчать утверждения Ягоды о том, что прокурор СССР за полтора года работы Особого совещания ни разу не опротестовал ни одного его решения, что «передача части дел, подсудных Особому совещанию, на рассмотрение судов содействовала бы превращению судов в «трибуну для распространения контрреволюционной клеветы против политики партии». «Абсолютно неправильно утверждение т. Ягоды, — сообщал Вышинский, — что на протяжении полуторагодовой работы Особого совещания я ни разу не опротестовал решений Особого совещания. За это время Прокуратурой союза было принесено в Особое совещание 1344 протеста»⁶¹. «В моей записке, — пояснял далее прокурор СССР, — был поставлен вопрос отнюдь не об упразднении Особого совещания НКВД, а об ограничении компетенции Особого совещания, как административного суда, который рассматривает дела заочно, без свидетелей, а в ряде случаев только на основании агентурных данных или на основании показаний лишь одного свидетеля»⁶².

Что же заставило Вышинского спустя полтора года после этого спора с Ягодой изменить свое мнение относительно Особого совещания и обратиться 4 сентября 1937 года к Сталину и Молотову вместе с новым наркомом внутренних дел с предложением рассматривать дела на поляков, арестованных на основании приказа № 00485 и обвиненных в преступлениях против Советского государства, именно в Особом совещании при НКВД СССР?

Это нововведение существенно изменяло порядок определения участи арестованных поляков. Приказ № 00485 возлагал решающую

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 467.

⁶² Докладная записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову. 16 февраля 1936 г. // Там же. С. 468.

роль в этом жизненно важном вопросе на руководителей местных органов внутренних дел — тех, кто распределял их по категориям. Такое распределение по сути являлось назначением уголовного наказания: отнесение арестованного к первой категории означало расстрел, отнесение ко второй категории — заключение в тюрьму или лагерь на срок от пяти до десяти лет. Составленные в местных органах внутренних дел списки отнесенных к первой и второй категориям арестованных поляков направлялись в НКВД вместе «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности» каждого из них. Но там эти списки просто утверждались. То есть арестованный обрекался на лишение свободы и даже на смерть приговором, вынесенным не судьей, а сотрудником НКВД, причем решение принималось не в результате рассмотрения дела по судебной процедуре, а всего лишь согласно обыкновенному бюрократическому порядку. Ведь понятно, что формулировка «утверждение списков в НКВД и прокурором Союза» в приказе № 00485 обозначала ситуацию, когда нарком внутренних дел и его заместители, а также прокурор СССР просто подписывали подготовленные в аппарате НКВД документы, определявшие судьбу арестованных поляков.

Предложив вместе с Ежовым оформлять «осуждение к лишению свободы на десять лет» по делам лиц, «ведущих антисоветскую деятельность польских перебежчиков, бывших членов ППС и т.д.» через Особое совещание при наркоме внутренних дел, Вышинский тем самым добился, чтобы участь арестованных поляков определялась государственным органом, учрежденным постановлением ЦИК СССР и СНК СССР в качестве административного суда. Трудно предполагать, что Вышинский руководствовался в данном случае стремлением облегчить участь арестованных, то есть будучи поляком по происхождению проявил сочувствие к полякам. Ведь через Особое совещание он предложил оформлять только тех, кто был отнесен ко второй категории, предполагавшей наказание в виде лишения свободы. Хотя с точки зрения гуманизма логичнее было бы проводить через Особое совещание прежде всего лиц, отнесенных к первой категории, предполагавшей расстрел. Конечно, рассмотрение дел Особым совещанием носило в значительной степени формальный

характер и, если суды довольно часто выносили оправдательные приговоры (даже в 1937 г. они составляли по признанию Вышинского 40% от общего количества приговоров⁶³), то в практике работы Особого совещания такие случаи были редкими. Однако передача дела на рассмотрение этого органа все равно давала бы лицу, отнесенному к первой категории, то есть в сущности уже приговоренному к смерти, какой-то шанс избежать этой печальной участи. К тому же для оформления приговора через Особое совещание при наркоме внутренних дел требовалось больше бюрократической волокиты и времени, что давало арестованным некий выигрыш во времени, а нестабильная и чрезвычайно переменчивая обстановка, которая существовала тогда внутри НКВД, увеличивала вероятность лучшего исхода. Наконец, прокурор СССР мог опротестовать решение Особого совещания и, как показывают документы, он часто это делал.

Но ничего из этих соображений Вышинский, скорее всего, не принял во внимание. Можно уверенно предполагать, что его идея оформлять осуждение арестованных поляков через Особое совещание была продиктована логикой не гуманизма, а политики. Он всего лишь стремился придать расправе над поляками, заподозренными в шпионаже и других подрывных действиях против Советского государства, какую-то, пусть и весьма сомнительную, юридическую форму. При этом как правовед он не мог не понимать, что деятельность Особого совещания, хотя оно и было учреждено на

⁶³ Эта цифра может казаться недостоверной, но она подтверждается целым рядом документов. Вышинский называл ее, критикуя работу следователей и прокуроров. «Ведь известно, — говорил он в речи на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б), — что у нас около 40% дел, а по некоторым категориям дел — около 50% дел, кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров» (Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 года. Утреннее заседание // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 12–13). О 40% отмененных приговоров советских судов прокурор СССР писал, анализируя состояние прокурорского надзора в 1937 г., в своем приказе об улучшении работы органов прокуратуры, представленном 29 марта 1938 г. на утверждение в ЦК ВКП (б), (Приказ об улучшении работы органов Прокуратуры. 29 марта 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 111. Л. 105).

основании постановления ЦИК СССР и СНК СССР, невозможно считать законной. Статья 102 Конституции СССР установила, что «правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами». Особое совещание при наркомате внутренних дел СССР не относилось ни к одному из перечисленных видов государственных органов, имевших по Конституции правомочие вершить правосудие. По этой причине постановление ЦИК СССР и СНК СССР, предоставившее Особому совещанию правомочие назначать уголовные наказания, являлось антиконституционным и не могло иметь настоящей юридической силы.

* * *

Оперативный приказ наркомата внутренних дел № 00485 от 11 августа 1937 года был признан образцом при составлении приказов о проведении репрессий против подозревавшихся в антисоветской деятельности советских граждан иностранного происхождения. А против некоторых из них репрессии начинались вообще без издания специального приказа: Ежов предписывал в этих случаях распространить на карательную операцию действие приказа № 00485. Так было, например, с немцами. Репрессии против немецких специалистов, работавших на советских оборонных заводах, начались на основании оперативного приказа № 00439 от 25 июля 1937 года и постепенно были распространены на всех вообще проживавших в СССР немцев, которых можно было заподозрить в ведении шпионской или иной подрывной деятельности против Советского государства. И карательные меры против них стали осуществляться в порядке, предусмотренном приказом № 00485 о «польской операции».

17 августа 1937 года, через неделю после издания этого нормативного акта, Ежов направил в НКВД Украины шифрограмму о начале репрессивной операции в Молдавской автономной республике против румынских шпионов и диверсантов, предписав руководствоваться при этом оперативным приказом № 00485.

22 августа 1937 года был издан циркуляр НКВД № 68 «Об иностранцах», который давал понять, что начавшиеся в конце июля репрессивные операции против иностранцев не эпизодические мероприятия, а целая политика, продиктованная заботой о безопасности Советского государства. В циркуляре говорилось:

«Установлено, что подавляющее большинство иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии. Основным способом борьбы с преступной деятельностью иностранцев, понятно, является агентурно-следственная работа НКВД. Однако серьезным орудием в наших руках является возможность административными мерами значительно ослабить действие этого шпионско-диверсионного очага. Предлагаю:

1. Впредь, путем отказа в продлении видов на жительство после истечения срока их действия, выдавать иностранцам выездные визы.

2. В первую очередь прекратить продление видов на жительство иностранно-подданным Германии, Польши, Японии, Италии, Австрии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Кубы, Латвии, Литвы, Маньчжоу-Го, Мексики, Румынии, Финляндии, Швейцарии, Эстонии, Югославии

3. Что касается англичан, французов, американцев, испанцев, турок, чехословаков, иранцев, афганцев, китайцев, греков, то при наличии компрометирующих данных также отказывать в продлении видов на жительство после истечения срока и выдавать выездные визы»⁶⁴.

Самым интересным в этом документе был четвертый пункт, в котором декларировалось: «Порядок ареста и привлечения к ответственности иностранцев остается прежней»⁶⁵. Это означало, что иностранцев вполне могли и не высылать за пределы СССР, а применить к ним репрессивные меры, предусмотренные оперативным приказом наркома внутренних дел № 00485.

19 сентября 1937 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление об утверждении проекта «закрытого письма НКВД СССР и приказа о мероприятиях в связи с террористической диверсионной и

⁶⁴ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 139.

⁶⁵ Там же.

шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев»⁶⁶.

На следующий день был издан оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00593 «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Маньчжоу-Го (харбинцев)». На его основании репрессии обрушились на бывших служащих КВЖД, жителей Харбина, переселившихся из Китая в СССР.

НКВД располагало списком из 25 000 так называемых «харбинцев». Репрессии против обосновывались тем, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состояли из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских организаций. В агентурно-оперативных материалах НКВД они фигурировали как «шпионско-фашистские». «Харбинцы» подозревались в том, что «в подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности»⁶⁷.

Среди них были китайцы и другие иностранцы, но большинство принадлежало к русским. Тем не менее карательная операция против них проводилась в порядке, предусмотренном приказом № 00485, то есть их рассматривали как иностранцев. По словам историка Н.А. Потаповой, специально исследовавшей «харбинскую» операцию в своей диссертации, критерием «преступности» в данном случае выступала в первую очередь «не этничность, а рождение или проживание во “враждебной” “капиталистической” стране или подерживание любой связи с ней. Именно эту составляющую территориальные органы НКВД пытались отразить в “альбомных”

⁶⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б). Вопрос НКВД. 19 сентября 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 366.

⁶⁷ Оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00593. 20 сентября 1937 г. // Там же.

справках, в противном случае “альбомы” возвращали на исследование»⁶⁸.

23 ноября 1937 года нарком Ежов разослал в органы внутренних дел республик, краев и областей шифротелеграмму, в которой предписал немедленно собрать, проверить и сообщить сведения о «латышских официальных учреждениях и организациях [на] территории республики, края». Далее перечислялись учреждения и организации, заинтересовавшие руководство НКВД. Любопытно, что в перечне подозрительных объединений упоминалось даже «общество латышских стрелков при ОСОВИАХИМе», организаторами и вдохновителями которого были латыши, оказавшие самую рьяную вооруженную поддержку большевикам при захвате и удержании ими власти над Россией.

В заключительной части шифротелеграммы от 23 ноября 1937 года Ежов приказывал подготовить «аресты всех руководителей и активистов этих пунктов концентрации латышей, а также учтенных ранее латышских шпионов, перебежчиков и антисоветского актива [в] том числе всех латвийских подданных (кроме служащих посольств и консульств)». При этом нарком сделал весьма примечательную оговорку: «Операцию в отношении всех этих категорий актива предположено провести в один день одновременно [во] всех республиках и областях, [в] дальнейшем развивая ее по типу польской операции» (выделено мною. — В.Т.).

30 ноября 1937 года Ежов шифротелеграммой разослал всем наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ⁶⁹ текст оперативного приказа № 49990. Сообщив, что «в Москве и ряде областей вскрыты крупные шпионско-диверсионные и националистические контрреволюционные организации латышей, созданные латвийской разведкой и связанные разведками других стран», нарком внутренних дел СССР предписал: «3 декабря 1937 года, одновременно во всех республиках, краях и

⁶⁸ *Потанова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. Дисс. канд. истор. наук. Новосибирск, 2019. С. 51.

⁶⁹ ДТО ГУГБ — дорожно-транспортный отдел Главного управления государственной безопасности НКВД.

областях произвести аресты всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсии, антисоветской националистической работе»⁷⁰. После указаний, какие латыши подлежат аресту, в приказе отмечалось: «При проведении операции особое внимание обратить на тщательную очистку от перечисленных выше контингентов предприятий оборонного значения, оборонных цехов, электросиловых предприятий и сооружений, всех видов транспорта, спецсекторов и отделов наркоматов и госучреждений, ведающих оборонными и мобилизационными вопросами и шифрработой армии, флота, войск НКВД, аппаратов органов НКВД, также колхозов, совхозов и населенных пунктов, располагающихся в пределах зон особого режима и запретных и прилегающих к укрепленным районам и оборонительным сооружениям»⁷¹.

В приказе № 49990 не говорилось о том, как оформлять дела на арестованных латышей. Вместо этого в пункте 6 указывалось: «Оформление дел и их рассмотрение производить в порядке пункта 6 оперприказа 00485»⁷².

Всего в течение второй половины 1937 – первой половины 1938 года было проведено десять общесоюзных репрессивных операций: «немецкая», «польская», «харбинско-японская», «латышская», «греческая»⁷³, «китайская»⁷⁴, «иранская»⁷⁵, «афганская»⁷⁶, «эстонская», «финская». Однако в некоторых национальных республиках, краях и областях местные органы НКВД проявляли инициативу и проводили репрессивные операции против американцев, англичан, чехов (на Украине), турок (в Грузии). В рамках операции против латышей одновременно проводилась операция против вызывавших подозрение финнов и эстонцев.

⁷⁰ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 1.

⁷¹ Там же. Л. 2.

⁷² Там же.

⁷³ Приказ НКВД СССР № 50215 [Об операции по арестам греков] от 11 декабря 1937 г.),

⁷⁴ Циркуляр № 52691 НКВД СССР [О репрессиях среди китайцев]» от 22 декабря 1937 г.

⁷⁵ Приказ № 202 наркома внутренних дел СССР [Об арестах иранцев и иранских армян]» от 29 января 1938 г.

⁷⁶ Циркуляр НКВД СССР № 326 [О репрессиях среди афганцев]» от 16 февраля 1938 г.

* * *

Массовые репрессии, развернувшиеся во второй половине 1937 года против советских граждан иностранного происхождения, от которых по мнению руководства ВКП (б) могла исходить серьезная опасность для Советского государства, особенно в случае военной агрессии против СССР крупных держав, не имели под собой юридических оснований. Их нормативное оформление оперативными приказами НКВД свидетельствует, что не было даже каких-либо попыток придать проводившимся на всей территории Советского Союза репрессивным операциям правовую форму. Репрессии на основе оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 ограничивались, пусть лишь на некоторое время, установленными в этом документе лимитами. Репрессии против советских граждан иностранного происхождения групп такими лимитами не ограничивались.

Следователи НКВД получили, по сути, беспредельную возможность арестовывать, истязать на допросах, отправлять на расстрел, в тюрьму или лагерь не только своих соотечественников, но любых вообще лиц, оказавшихся в то время на территории Советского Союза. «Шла погоня за подысканием материалов — кого арестовать. Отсюда не различали где враг, где честный человек»⁷⁷, — такими словами один из сотрудников управления госбезопасности УНКВД Днепропетровской области охарактеризовал то, что происходило на его глазах внутри его ведомства в 1937–1938 годах.

Проводившиеся в тот период карательные операции против этнических групп, так же как и репрессии против кулаков, уголовников и других антисоветских элементов, **сознательно, целенаправленно, открыто выводились руководством ВКП (б) и прокуратурой СССР из правового поля Советского государства.**

«Прокуроры областей, краев и республик, а также Прокуратура Союза ССР, — говорил Н.И. Ежов на допросе 4 августа 1939 года, — не

⁷⁷ Из протокола закрытого партсобрании сотрудников УГБ УНКВД по Днепропетровской области об обсуждении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. 9–10 января 1939 г. // Эхо большого террора. Т. 1. Партийные собрания и оперативные совещания сотрудников Управлений НКВД УССР (ноябрь 1938 – ноябрь 1939 гг.). М., 2017.

могли не видеть столь очевидной преступной практики массовых провокационных репрессий и фальсификации следственных данных, так как несли вместе с НКВД ответственность за рассмотрение этих дел»⁷⁸. Бывший нарком объяснял это бездействие прокурорского надзора тем, что «во многих областях, краях и республиках возглавляли прокуратуру члены различных антисоветских организаций», боязнь прокуроров, не замешанных участием в антисоветских группировках, «спорить по этим вопросам с начальниками УНКВД», а также отсутствием на этот счет каких-либо указаний из центра, «где все механически подписанные ими, т. е. прокурорами фальсифицированные следственные справки проходили без какой-либо задержки и замечаний»⁷⁹. Поведение прокуратуры Союза ССР и, в частности, прокурора СССР Вышинского Ежов объяснял той же боязнь «поссориться с НКВД и показать себя не менее “революционным” в смысле проведения массовых репрессий»⁸⁰.

Фактор страха, конечно, отчасти объясняет поступки Вышинского – никто в той обстановке не был свободен от страха, явно испытывал его и Сталин. Но все же в большей мере поведение прокурора СССР и секретаря ЦК ВКП (б) диктовалось тогда иными причинами.

Прокурорский надзор действительно был сведен к минимуму или вовсе не осуществлялся применительно к массовым репрессиям второй половины 1937 – первой половины 1938 года. Вышинский являлся в большей мере простым наблюдателем творившихся беззаконий, нежели борцом с ними.

Но вот что удивительно: в других сферах надзор за законностью со стороны советской прокуратуры и прокурора СССР не прекращался.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты и документы. Например, сделанный весной 1938 года анализ судебно-надзорной практики прокуратуры СССР за вторую половину 1937 года показывает, что благодаря усилиям ее работников, в том числе

⁷⁸ Из протокола допроса обвиняемого Ежова Николая Ивановича. 4 августа 1939 г. // *Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»* – Николай Ежов. М., 2009. С. 378.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

протестам самого А.Я. Вышинского, было отменено множество судебных приговоров по таким основаниям, как: недоказанность обвинения, недоказанность преступления, недоследованность дела, недостаточная проверка фактов, опровергающих обвинение, неправильная квалификация преступления, неосновательное направление дела на доследование⁸¹

Допуская и даже направляя на различные общественные слои массовые репрессии, секретарь ЦК ВКП (б) Сталин и прокурор СССР Вышинский в то же время **предпринимали настойчивые, решительные меры для упрочения советской государственности и укрепления законности.**

Именно здесь — в сочетании этих прямо противоположных тенденций в партийной и государственной политике — следует искать настоящую разгадку того, что в действительности происходило в нашей стране в трагичном 1937 году.

3

Репрессивные операции против «антисоветских элементов» и граждан иностранного происхождения, считавшихся опасными для Советского государства, планировалось в соответствии с решениями Политбюро ЦК ВКП (б) и согласно приказам наркома внутренних дел завершить в четырехмесячный срок. 3 ноября 1937 года Ежов издал директиву, в которой приказал: «1) Форсировать проведение операции [по] антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины. 2) Срок окончания всех этих операций устанавливается 10 декабря с/г, к этому сроку провести все аресты, закончить следствие и рассмотреть все следдела. Никакие ходатайства [о] продлении срока приниматься не будут»⁸².

⁸¹ Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза // Социалистическая законность. 1938. № 5. С. 88–96.

⁸² Директива № 49721 наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова всем начальникам УНКВД, НКВД краев и областей «Об усилении репрессий». 3 ноября 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Том 1. 1937 г. Подготовка приказа № 00447, первый этап «кулацкой операции». М., 2010. С. 177.

Однако 11 декабря 1937 года нарком Ежов разослал приказ № 50194, в котором предписал: «1. Операции по антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, латышам, женам изменников родины продлить до 1 января 1938 года. К этому сроку провести все аресты, закончить следствия и рассмотреть все следственные дела. 2. Работу троек, действующих в соответствии приказом № 00447, продлить до 1 января 1938 года»⁸³.

31 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б), идя навстречу предложению НКВД «об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента» по девяти союзным республикам⁸⁴, двум автономным республикам⁸⁵ и одиннадцати краям и областям⁸⁶, приняло решение «предложить НКВД СССР всю операцию по указанным выше областям, краям и республикам закончить не позднее 15 марта 1938 года, а по ДВК не позднее 1-го апреля 1938 года»⁸⁷. В тот же день Политбюро приняло постановление о продлении репрессий и в отношении этнических групп. Наркомату внутренних дел было разрешено, во-первых, «продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР», а во-вторых, «оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей вне зависимости от их подданства».⁸⁸

⁸³ Там же. С. 178.

⁸⁴ Армянской, Белорусской, Украинской, Грузинской, Азербайджанской, Туркменской, Киргизской, Таджикской, Узбекской ССР.

⁸⁵ Бурят-Монгольской и Карельской АССР.

⁸⁶ ДВК, Красноярскому и Алтайскому краям, Читинской, Иркутской, Новосибирской, Омской, Ленинградской, Калининской, Московской, Свердловской областям.

⁸⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об антисоветских элементах. 31 января 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 467–468.

⁸⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности. 31 января 1938 г. // Там же. С. 468.

Но и в этот срок репрессии, осуществлявшиеся на основании приказов НКВД, не были завершены. В ряде республик, краев и областей внесудебные расправы продолжались еще несколько месяцев: тройки продолжали выносить приговоры о расстреле и лишении свободы по спискам «врагов народа», составленным в органах внутренних дел. Только с середины сентября 1938 года данная карательная операция стала сворачиваться по инициативе Политбюро ЦК ВКП (б), но прекратило ее по сути лишь постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», изданное 17 ноября 1938 года.

Следует отметить, что операции против бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов неоднократно продлевались не потому, что первоначально установленные планы по репрессиям не выполнялись местными органами НКВД: в действительности они во многих республиках, краях и областях даже перевыполнялись. Согласно приказу наркома внутренних дел от 30 июля 1937 года, репрессиям по первой категории (т.е. расстрелу) подлежало 75950 человек⁸⁹, по второй категории (аресту и заключению в лагере на срок от 8 до 10 лет) — 193000 человек. 8 сентября нарком Ежов сообщил И.В. Сталину первые итоги данной операции: «Всего на 1 сентября сего года было арестовано 146 225 человек. Из них 69 172 — бывших кулака, 41 603 уголовника и 35 454 человека — контрреволюционных элементов. Из этого количества арестованных осуждено тройками — к расстрелу 31 530 и к заключению в лагеря и тюрьмы 13 669 человек»⁹⁰. О том, что запланированный масштаб репрессий против бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов уже в первый месяц их осуществления оказался превышен свидетельствует факт, приведенный в составленной в начале 1963 года записке комиссии президиума ЦК КПСС о результатах расследования причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов: «Вскоре после начала “операции”, — говорится в этом документе, —

⁸⁹ 10 000 из них следовало избрать из числа заключенных в лагерях НКВД.

⁹⁰ Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину о первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов. 8 сентября 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 337.

нарком внутренних дел Ежов направил председателю СНК СССР Молотову письмо, в котором просил утвердить дополнительные «лимиты» на репрессирование 63270 человек, из которых 48420 человек по первой категории»⁹¹.

К 1 декабря 1937 года размер «лимитов» достиг 509276 человек, в том числе на расстрелы — 214326 человек⁹². Постановление политбюро ЦК ВКП (б) от 31 января 1938 года добавило к этим цифрам 48 000 человек в качестве нового лимита для назначения расстрела и 9 200 человек — для заключения в лагерь.

Общее число репрессированных «по лимитам» на основании приказа наркома внутренних дел № 00447 с момента начала карательной операции и до 1 июля 1938 года, отраженное в материалах ЦК ВКП (б) и НКВД, составило 699929 человек⁹³. По приказам же наркома внутренних дел о репрессиях в отношении этнических групп к 1 июля 1938 года было расстреляно и осуждено к лишению свободы 357227 человек⁹⁴. Но эти данные вряд ли можно считать полными. Кроме того, известно, что «тройки» продолжали выносить приговоры к расстрелам и лишению свободы вплоть до 16 ноября 1938 года.

Прокурор СССР Вышинский внимательно наблюдал за преступными репрессивными операциями, проводившимися с конца июля 1937 года на основании приказов наркома внутренних дел, но никаких возражений ни против их незакония, ни против их продолжения после того, как установленные для них сроки истекли, не высказывал.

17 апреля 1938 года он издал циркуляр № 1/001532 всем прокурорам союзных республик, краев и областей следующего содержания: «В связи с запросами ряда прокуроров о порядке разрешения жалоб по делам, рассмотренным на основании приказов НКВД № 00447, № 00485, № 00596 и др., указываю, что проверку

⁹¹ Записка комиссии президиума ЦК КПСС в президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003. С. 611.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 617.

правильности осуждения по этим делам следует производить лишь в исключительных случаях, когда осужденные к лишению свободы приводят серьезные доводы, указывающие на неправильность осуждения. Во всех остальных случаях надо сообщать жалобщикам, что дело пересматриваться не будет и что это решение окончательное. Жалобы по этим делам запрещается пересылать районным прокурорам. Заявления с просьбой сообщить о местонахождении арестованных родственников в случае, если у Вас этих сведений не имеется, — следует направлять в соответствующие органы НКВД»⁹⁵.

Этим циркуляром Вышинский по сути предписывал прокурорам не препятствовать преступной деятельности НКВД. Если принять во внимание еще и направленную им 7 августа 1937 года всем прокурорам строго секретную шифрограмму, в которой утверждалось, что при выполнении приказа наркома внутренних дел № 00447 «соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются», то можно прийти к выводу, что прокуратура СССР совсем отстранялась от выполнения главного своего предназначения — надзора за соблюдением законов. На самом деле прокурорский надзор приостанавливался только для репрессивных операций против бывших кулаков, уголовников, «других антисоветских элементов» и этнических групп, проводившихся на основании приказов наркома внутренних дел Ежова. В других сферах он в 1937-м и в первой половине 1938 года не только не прекращался, но был даже интенсивнее, чем прежде.

Об этом свидетельствуют многие документы. Наиболее интересным из них является изданный в конце марта 1938 года приказ прокурора СССР об улучшении работы органов прокуратуры, в котором давался анализ практики прокурорского надзора за 1937 год, формулировались задачи прокурорской деятельности и намечались меры для ее улучшения. Первоначальный вариант этого документа был подготовлен в середине марта 1938 года. 22 марта он обсуждался

⁹⁵ Циркуляр Прокурора СССР № 1/001532. 17 апреля 1938 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Том 2. 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности». М., 2010. С. 41–42.

на оперативном совещании при прокуроре СССР⁹⁶, а 29 марта с поправками, внесенными совещанием, был представлен в ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову. Текст данного приказа официально не был опубликован, хотя подобные документы в то время обыкновенно публиковались для сведения прокурорских работников⁹⁷.

Приказ прокурора СССР начинался с общей оценки всех направлений прокурорской деятельности. «Анализ работы органов прокуратуры за 1937 г. по следственному отделу, по уголовно-судебному и гражданскому отделам, по отделу общего надзора и по отделу жалоб, — заявлял Вышинский, — показал, что работа органов Прокуратуры является неудовлетворительной»⁹⁸. Характеризуя следственную работу прокуратуры, Андрей Януарьевич отметил: «До последнего времени имеют место случаи привлечения к уголовной ответственности трудящихся без достаточных оснований и наряду с этим имеет место явное попустительство и смазывание дел о контрреволюционных преступлениях и, в частности, дел о преступлениях троцкистско-зиновьевских, бухаринских и иных бандитских групп. Не раз ЦК ВКП (б) и СНК СССР требовали от органов Прокуратуры серьезного подхода к разрешению вопроса о привлечении к уголовной ответственности. Между тем имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза данные свидетельствуют, что качество следственной работы еще до сих пор остается неудовлетворительным. При возбуждении уголовных дел прокуроры не проявляют необходимой требовательности и подходят формально-бюрократически к оценке представляемых ими материалов. Не вникая в существо дела. Вследствие этого в ряде мест наблюдается неправильное и неосновательное привлечение граждан к уголовной ответственности и возбуждение дел, значительная часть которых впоследствии прекращается вышестоящими органами прокуратуры и судом»⁹⁹.

⁹⁶ Протокол оперативного совещания при прокуроре СССР № 14 от 22 марта 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 106. Л. 44–46.

⁹⁷ Протокол оперативного совещания при Прокуроре СССР № 14 от 22 марта 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 106. Л. 44-46.

⁹⁸ Приказ прокурора СССР А.Я. Вышинского об улучшении работы органов Прокуратуры. 29 марта 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 111. Л. 101.

⁹⁹ Там же.

В подтверждение этого заключения прокурор СССР указал, что 19% всех дел, возбужденных органами прокуратуры за первое полугодие 1937 года, и свыше 16% дел, возбужденных за третий квартал того же года, были прекращены в процессе расследования, причем почти половина этих дел прекращена потому, что они были возбуждены без достаточных оснований. При этом он заметил, что «не возбуждалось уголовного преследования в случаях явных и грубых нарушений соцзаконности. Например, в Паричском районе БССР прокурор не вел абсолютно никакой борьбы с грубейшими нарушениями законов и фактами издевательства над трудящимися, выразившимися в том, что единоличники облагались явно невыполнимыми налогами, что гражданам давались невыполнимые задания по поставке сельскохозяйственных культур, отбиралось за невыполнение налогов и натуральных поставок все имущество, вплоть до жилья. То же имело место в Б[ольше]троицком районе Курской области — незаконное обложение налогами, избиения колхозников, самосуды, незаконное изъятие имущества — на глазах у прокурора, не возбудившего ни одного дела против виновников этих преступлений»¹⁰⁰.

Предписывая прокурорам при проведении репрессивной операции на основании приказа наркома внутренних дел Ежова от 30 июля 1937 года № 00447 не обращать внимания на «соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест», Вышинский требовал усиления прокурорского надзора за следствием по всем другим делам. «Надзор прокуроров за расследованием дел явно ослаб, носит формально-бюрократический характер, а в ряде случаев просто отсутствует, — констатировалось в его приказе. — Прокурор, как правило, не знает дел, находящихся в портфеле следователя, следствием не руководит, ограничиваясь лишь утверждением обвинительного заключения при направлении дела в суд, без проверки зачастую дела по существу»¹⁰¹. При этом прокуроры укорялись особенно в том, что «нарушают процессуальные правила ведения дела, допускают грубое процессуальное упрощенчество, не

¹⁰⁰ Там же. Л. 101–102.

¹⁰¹ Там же. Л. 103.

только не противодействуют нарушению процессуальных прав обвиняемого, но сами подчас нарушают права обвиняемых и защиты»¹⁰².

Касаясь работы прокуроров на суде, в качестве государственных обвинителей, Вышинский называл «существенным дефектом» недооценку многими из них своей роли при проведении судебного следствия, ее ограничения лишь обвинительной речью. «Многие прокуроры, — указывал он, — недостаточно готовятся к своему выступлению на суде, и имеют место случаи, когда прокурор выступает на суде, явно не зная дела, упуская из вида, что обвинительная речь только тогда может дать положительные результаты, когда она опирается на тщательно проведенное судебное следствие»¹⁰³.

К фактам «небрежного и недобросовестного, граничащего с преступным», отношения прокуроров к надзорной работе Вышинский отнес также случаи, когда «явно неправильные и несправедливые приговоры» проходили ряд последовательных надзорных инстанций, не усматривавших оснований для протеста, а впоследствии эти приговоры отменялись либо с полным прекращением дела, либо с изменением наказания на незначительное. Результатом столь слабого прокурорского надзора, отметил он, был «огромный процент (40%) совершенно необоснованного осуждения по пустякам или даже без всякой вины отдельных граждан»¹⁰⁴.

Подводя итоги прокурорской деятельности за 1937 год, обратив внимание на ее дефекты и недостатки, Вышинский предписал прокурорам принять целый ряд мер по улучшению надзорной работы в сфере следствия и суда, как-то:

— «обеспечить решительное прекращение наблюдающейся в отдельных случаях практики необоснованного привлечения к уголовной ответственности по маловажным основаниям или даже, как

¹⁰² Там же. Л. 104.

¹⁰³ Там же. Л. 104–105.

¹⁰⁴ Там же. Л. 105.

это иногда имеет место, без всяких оснований, сосредоточив основное внимание на борьбе с действительно серьезными преступлениями»¹⁰⁵;

– «обеспечить обязательное активное участие прокуроров в подготовительных заседаниях судов по всем делам, обвинительные заключения по которым утверждены прокурором»¹⁰⁶;

– «обратить особое внимание на правильность и точность юридической квалификации преступлений, не допуская квалификации, не вытекающей из обстоятельств дела»¹⁰⁷;

– «прокурорам республик, краев и областей вести решительную борьбу с примиренческим отношением отдельных работников прокуратуры к нарушению процессуальных норм, а также обеспечивать полноту и объективность судебной проверки доказательств, политически четкую и конкретную постановку обвинения, не допуская предвзятого отношения к делу»¹⁰⁸.

Ставя задачи по общему прокурорскому надзору, Вышинский приказывал всем органам прокуратуры «усилить борьбу с нарушениями советской демократии и подготовиться к осуществлению действительного надзора за соблюдением Положения о выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик»¹⁰⁹.

В заключительной части своего приказа прокурор СССР обращал внимание каждого районного прокурора на то, что «в соответствии со ст. 117 Сталинской Конституции он обязан осуществлять свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, невзирая на лица, имея в виду, что Прокуратура строго централизована и что все прокуроры подчинены только Прокурору Союза ССР»¹¹⁰.

1937 год был периодом самой активной за всю историю Советского государства борьбы против врагов народа. Приказ прокурора СССР о результатах прокурорской деятельности за указанный год не мог обойти этой темы. Одной из главных причин плачевного

¹⁰⁵ Там же. Л. 112.

¹⁰⁶ Там же. Л. 113.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Л. 114.

¹¹⁰ Там же. Л. 115.

состояния прокурорского надзора в приказе была названа в полном соответствии с духом времени вредительская деятельность врагов народа.

Любопытно, что при обсуждении первоначального варианта данного приказа на оперативном совещании при прокуроре СССР 22 марта 1938 года, было предложено внести в текст его первого раздела, посвященного надзору за следствием, следующий абзац: «Кроме того пробравшиеся в ряды прокуратуры враги народа сыграли немалую роль в деле ухудшения прокурорской работы путем грубейших извращений соцзаконности, направленной на избиение советских честных людей, на укрывательство и прямое содействие врагам в их изменнической работе, путем отказа в привлечении виновных в этом к ответственности, путем неправильной квалификации их преступной деятельности по ст.ст. УК, возлагающим на них меньшую ответственность»¹¹¹. В окончательном тексте приказа Вышинский изложил данный абзац в сокращенном виде: «К этому надо добавить, что враги народа, проникшие в органы Прокуратуры, использовали свое служебное положение в контрреволюционных целях, покрывая преступников и нередко привлекая к ответственности честных советских людей»¹¹².

В начале 1938 года секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев подготовил записку о работе районных прокуроров в 1937 году, в которой был поставлен вопрос о наличии в этой деятельности крупных недостатков и грубых ошибок, констатировались неподготовленность и слабость кадров районных прокуроров. Опираясь на эти факты, Андреев сформулировал ряд рекомендаций, направленных на улучшение кадрового состава прокуратуры, и вместе с тем предложил изъять из ее ведения дела о контрреволюционных преступлениях, предусмотренных статьей 58 Уголовного кодекса РСФСР, передав их в исключительное ведение НКВД.

Прокурор СССР Вышинский в своем ответе на эту записку секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и Председателю СНК СССР В.М.

¹¹¹ Протокол оперативного совещания при Прокуроре СССР № 14. 22 марта 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 106. Л. 44.

¹¹² Приказ прокурора СССР А.Я. Вышинского об улучшении работы органов прокуратуры. 29 марта 1938 г. Л. 101.

Молотову признал разумность ряда предложений Андреева, но с ограничением полномочий прокуратуры не согласился, сообщив следующее: «Пункт 2 предложений тов. А.А. Андреева об изъятии из ведения прокуратуры производства следствия и арестов по преступлениям, предусмотренным статьей 58 Уголовного Кодекса РСФСР, с тем, чтобы эти дела целиком сосредоточить в органах НКВД, я считаю неправильным; это предложение на законе не основано и нецелесообразно по существу. Слабость районных прокурорских кадров и отдельные даже грубые ошибки в работе прокурорских органов, по моему мнению, никак не могут служить причиной для изъятия из ведения прокуратуры дел о государственных преступлениях, тем более, что, как это доказано практикой прокурорского надзора, в работе районных органов НКВД по указанным делам имеются также существенные ошибки и недостатки»¹¹³.

Приведенные факты показывают, что деятельность Вышинского на посту прокурора СССР в период массовых репрессий (во второй половине 1937 г. и в первой половине 1938 г.) отличалась крайней противоречивостью. Он был способен не обращать внимания на очевидные и грубейшие нарушения законности в действиях НКВД и требовать от местных прокуроров не придавать им значения. В то же самое время Вышинский предлагал целую программу действий в целях улучшения надзорной работы прокуратуры в сфере следствия и суда и предписывал прокурорам республик, краев и областей вести решительную борьбу с примиренческим отношением работников прокуратуры к нарушениям советских законов.

В этой противоречивости, думается, все же имелась своя логика.

Прокуроры и судьи только по конституции независимы и подчиняются исключительно закону, в реальной государственной жизни такой независимости у них не бывает. Они вынуждены подчиняться не только законам, но и общим государственным интересам (в лучшем случае), а также воле конкретных носителей верховной государственной власти. Между тем интересы государства

¹¹³ Записка А.Я. Вышинского о работе районных прокуроров. 20 февраля 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 106.

и тем более воля верховных властителей не могут не выходить за рамки законов, особенно в чрезвычайных условиях, когда носители государственной власти и государство в целом вынуждены бороться за свое существование.

Советское государство как феномен незаконнорожденный и небывалый в мировой истории с самого начала было обречено на жестокую изнурительную борьбу за свое выживание. Оно не раз оказывалось в опасном для жизни состоянии во время Гражданской войны и в 1920-е годы, но все реальные угрозы для его существования имели тогда исключительно внутригосударственный характер. Становление в первой половине 1930-х годов в Германии и Японии фашистских режимов, ориентированных на военную агрессию против СССР, создало для нашей страны серьезную внешнюю угрозу. Особую опасность ей придавали обострение политической борьбы внутри советского правящего слоя и слабость советского государственного аппарата.

Проводившиеся с начала августа 1937 года репрессивные операции против бывших кулаков, уголовников, этнических групп и других антисоветских элементов рассматривались руководством ВКП (б) и в первую очередь Сталиным в качестве мер защиты Советского государства от врагов. Поэтому в приказах наркома внутренних дел об этих операциях утверждалось, что перед органами государственной безопасности стоит задача — защитить трудящийся советский народ от «контрреволюционных происков» антисоветских элементов и «навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ Советского государства»¹¹⁴. Репрессивные операции против этнических групп также представлялись в виде необходимых мер в целях разгрома агентуры иностранных разведок, ведущих подрывную работу против Советского государства. В оперативном приказе наркома внутренних дел № 00485 о репрессиях против поляков задачами органов государственной безопасности объявлялись «разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-

¹¹⁴ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». 30 июля 1937 года // АП РФ. Ф 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 61.

повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР»¹¹⁵.

Вышинский понимал, что такого рода операции, хотя и осуществлялись непосредственно по приказам Ежова, направлялись лично Сталиным, считавшим их проведение необходимым для укрепления государства. По этой причине прокурор СССР безропотно, безоговорочно поддерживал все то незаконное, которое они в себе несли. Он требовал от своих подчиненных быстрого и жесткого проведения дел по преступлениям, которые действовавший Уголовный кодекс относил к разряду контрреволюционных, зная, что следствие и суд по таким преступлениям Сталин старался держать на личном контроле.

Однако в отношении дел, которыми Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП (б) не особо интересовались, Вышинский действовал как настоящий прокурор. Он требовал от своих подчиненных тщательно контролировать соблюдение процессуальных норм в ходе расследования и рассмотрения таких дел в суде, использовать любой повод для смягчения приговоров.

11 сентября 1937 года прокурор СССР подал докладную записку Сталину и Молотову, в которой сообщил: «В настоящее время действует процессуальный порядок, по которому дела о контрреволюционном вредительстве и диверсиях рассматриваются специальными коллегиями областных, краевых судов или военными трибуналами округов с допущением кассационного по этим делам обжалования. При наличии кассационного обжалования немедленное приведение в исполнение приговоров о расстреле невозможно. В целях обеспечения наиболее срочного и эффективного рассмотрения дел этой категории и немедленного приведения в исполнение по этим делам приговоров о расстреле полагал бы целесообразным принять следующие предложения:

1. Обвинительное заключение по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде.

¹¹⁵ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00485. 11 августа 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 301.

2. Кассационного обжалования по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58⁷ УК РСФСР (вредительство)¹¹⁶ и 58⁹ УК РСФСР (диверсия)¹¹⁷, не допускать.

3. Приговора (так в оригинале. — В.Т.) о высшей мере наказания (расстреле) приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании»¹¹⁸.

Политбюро приняло предложение прокурора СССР¹¹⁹ (на оригинальном тексте приведенной докладной записки Вышинского поставили свои подписи и слово «за» Сталин, Молотов, Чубарь, Калинин и Микоян). 14 сентября 1937 года ЦИК СССР издал постановление «О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». В нем с незначительными редакционными уточнениями были повторены три поправки в уголовно-процессуальное законодательство, предложенные Вышинским¹²⁰.

Эти нововведения противоречили общим принципам и нормам правосудия, установленным Конституцией и уголовно-процессуальным законодательством СССР. Не мог Вышинский не знать и того, что

¹¹⁶ Статья 58⁷ УК РСФСР объявляла преступлением «подрыв государственной промышленности, транспорта, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершенное в интересах бывших собственников, или заинтересованных капиталистических организаций».

¹¹⁷ Статья 58⁹ объявляла преступлением «разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества».

¹¹⁸ Докладная записка прокурора СССР А.Я. Вышинского в ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину И. В. и в СНК СССР — товарищу Молотову В. М. от 11 сентября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 579. Л. 11.

¹¹⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о рассмотрении в судах дел о вредительстве и диверсиях. 11 сентября 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. С. 452.

¹²⁰ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР. 1937. № 61. 27 сентября. С. 557.

ложные обвинения чаще всего фабриковались следователями НКВД именно по делам о преступлениях, предусмотренных седьмым и девятым пунктами статьи 58 действующего Уголовного кодекса РСФСР. Тем не менее он выступил с инициативой упрощения порядка рассмотрения таких дел.

Объяснение этому совсем непрокурорскому поступку Вышинского найти нетрудно. Постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» являлось реакцией на многочисленные случаи аварий, взрывов на шахтах, пожаров на складах и мукомольных предприятий, крушений поездов, следовавшие сплошной чередой. Так, за 1936 год только на железной дороге произошло более 300 аварий. Но непосредственным поводом для принятия постановления стало происшествие в конце августа – начале сентября 1937 года в городе Канске Красноярского края.

27 августа 1937 года 1-й секретарь Красноярского краевого комитета ВКП (б) С.М. Соболев сообщил шифрограммой И.В. Сталину и Н.И. Ежову о том, что «25 августа произошел пожар на Канском мелькомбинате, сгорело все оборудование. В зернохранилище комбината хранилось 5 тысяч тонн зерна, 3 тысячи тонн муки. По неточным подсчетам погибло не менее 30% зерна... Личной проверкой и проверкой органами НКВД установлена исключительная засоренность комбината врагами. Предварительное следствие показывает очевидность диверсии»¹²¹. Сталин ответил Соболеву: «Поджог мелькомбината должно быть организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор – расстрел. О расстреле опубликовать в местной печати»¹²².

Специальная комиссия, проводшая предварительное расследование данного происшествия, 26 августа составила акт, в котором отметила обстоятельства, явно указывавшие на поджог¹²³. 8 сентября

¹²¹ Шифрограмма Соболева И.В. Сталину и Н.И. Ежову о пожаре на мелькомбинате. 27 августа 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 329.

¹²² Там же.

¹²³ В Акте от 26 августа 1937 г. констатировалось следующее: «В 18 часов 50 минут 25 августа с.г. в рабочей башне элеватора Канского Мелькомбината № 1 возник пожар. Из-за отсутствия воды для тушения пожара, непринятия должных мер вначале его

Военный трибунал Сибирского военного округа приговорил всех руководителей и специалистов сгоревшего предприятия (всего 14 человек), обвиненных в преступлениях, предусмотренных статьями 58⁶, 58⁹, 58¹⁰ и 58¹¹, к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Все было сделано в полном соответствии с постановлением ЦИК СССР, упростившим до предела производство по такого рода делам. Правда, издано было это постановление... **через шесть дней после вынесения приговора.**

4

Репрессивные операции против так называемых антисоветских элементов, проводившиеся с начала августа 1937 года и до середины ноября 1938 года на основе приказов наркома внутренних дел, затянули в свою страшную воронку более миллиона советских граждан¹²⁴. Тем не менее эти операции не имели определяющего значения в репрессивной политике, направлявшейся Сталиным и его единомышленниками в партийном и государственном руководстве.

Бывшие кулаки, уголовники и лица иностранного происхождения, включенные в категорию антисоветских элементов, не представляли для сталинской группировки сколько-нибудь серьезной опасности, даже если и были какие-то основания подозревать их в ведении

возникновения, а так же из-за большого количества сухого горючего материала, при ветреной погоде — огонь распространился по транспортерным галереям в эlevator и корпуса мельницы и крупзавода. К 21 часу огнем были охвачены все эти строения. Прибывшая первой на пожар команда Мелькомбината в течение 20 минут к тушению не приступила, так как водопроводная магистраль, идущая к корпусам, была выключена, хотя она днем при проверке ее специальной комиссией 25/VIII с.г. работала. Моторист во время пожара, включив насосы, порвал трубы водопровода... Несвоевременный, запоздалый вызов городской и ведомственных пожарных команд произошел вследствие неисправности телефонов в конторе и проходной будке Мелькомбината. Около 21 часа городская электростанция прекратила подачу электроэнергии на Мелькомбинат, почему насосная станция остановила работу по подаче воды в подземные баки, из которых питались два пожарных автонасоса. Электроэнергия была дана только после вмешательства РО УНКВД» (КЦХИДНИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 615. Л. 12–13).

¹²⁴ По составленным в НКВД СССР сводкам в порядке приказа № 00447 по 1 июля 1938 г. было арестовано 699 929 человек. Из них бывших кулаков — 376 206, бывших уголовников — 121 863, «прочих к/р элементов» — 201 860. В порядке приказов № 00485 и 00593 — 357 227 человек. См.: Сводка о работе органов НКВД СССР (без УНКВД по Дальне-Восточному краю и ДТО ГУГБ Ашхабадской и Дальне-Восточной жел. дор.) за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. // *Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938 (взгляд изнутри)*. М., 2020. С. 270.

подрывной деятельности против Советского государства. В течение 1935 и 1936 годов руководители НКВД в своих докладах секретарю ЦК ВКП (б) Сталину и председателю СНК СССР Молотову о бывших кулаках-переселенцах, работавших в сельском хозяйстве и промышленности, ничего не сообщали о каких-либо отрицательных фактах в их поведении или настроениях, о массовых волнениях в их среде или подготовке ими вооруженных восстаний. Поэтому сообщение Н.И. Ежова о создании бывшими кулаками, переселенными в Западную Сибирь, антисоветских повстанческих организаций под командованием бывших белогвардейских офицеров, и предложение создать тройки по внесудебному рассмотрению дел в их отношении, переданное 22 июня 1937 года, за день до созыва очередного Пленума ЦК ВКП (б), вряд ли могло сильно взволновать Сталина.

Главная опасность для Сталина исходила в то время не от бывших кулаков или белогвардейцев, а от большевиков-революционеров, занимавших ключевые должности в местном партийном и государственном аппарате. Именно по ним и Сталин наносил главный удар в 1937–1938 годах. Естественно, что этот факт он должен был тщательно скрывать от всех, и прежде всего от партийных секретарей. Осознав, на какую печальную участь обрекал их Сталин, партийные функционеры могли быстро объединиться и нанести упреждающий удар. Против Центрального комитета ВКП (б), объединившегося для своего спасения от репрессий, Сталин и его соратники выстоять явно не смогли бы: в ЦК ВКП (б) у них было меньшинство.

В этих условиях предложенные в докладной записке наркома внутренних дел репрессивные операции, направленные против бывших кулаков, уголовников, советских граждан иностранного происхождения и других «антисоветских элементов», оказывались более чем кстати. Партийные секретари, включаясь в работу органов внесудебной расправы — так называемых троек, втягивались в жестокую войну с собственным народом и катастрофически теряли авторитет среди населения. В то же время в арсенале сотрудников НКВД появились удобные инструменты для проведения произвольных арестов и незаконных следственных действий.

Аресты и расстрелы партийных секретарей растворялись в массе репрессий против антисоветских элементов и потому становились

менее заметными, чем если бы осуществлялись как отдельная репрессивная операция.

Приказами наркома внутренних дел Ежова для проведения массовых и кратковременных репрессий создавалась особая нормативная модель, которая не только не соответствовала принципам и нормам принятой в декабре 1936 года новой Конституции СССР и действовавшим советским законам, но и грубейшим образом их нарушала. Осуществлявшиеся по этой модели репрессивные операции с самого начала приобретали, таким образом, все признаки антигосударственных преступлений.

Введенный на основании данных приказов упрощенный режим следствия и внесудебный порядок вынесения приговоров предоставлял работникам НКВД и местным партийным секретарям самые широкие возможности для личного произвола. Как показали дальнейшие события, многие из них не преминули этой ситуацией воспользоваться.

Настоящая борьба с преступной деятельностью означает прежде всего раскрытие преступлений и выявление преступников согласно установленной законом методике и процедуре. Но приказы наркома внутренних дел о репрессировании бывших кулаков, бывших уголовников, граждан иностранного происхождения и других антисоветских элементов не предполагали решения указанных задач. Вместо этого предусматривался такой порядок расследования, при котором сотруднику НКВД достаточно было получить от арестованного признание своей вины; при этом не было необходимости заботиться о подтверждении этого признания документальными материалами, показаниями свидетелей, вещественными доказательствами и другими данными.

Сотрудники органов внутренних дел объявляли целые группы населения априори сборищем преступников, ведущих подрывную деятельность против устоев Советского государства. Но тех, кто осуществлял против них репрессивные акции, можно было объявлять преступниками с большим основанием.

Массовые репрессии обрушились на страну, трагически изменив жизнь очень многих ни в чем не повинных советских людей. Одновременно на фоне этих мер началась предельно жестокая и

широкомасштабная чистки всех органов внутренних дел, и прежде всего их руководителей.

Репрессии против сотрудников НКВД развернулись летом 1937 года, причем сразу во всех республиках, краях и областях СССР. 27 августа, через три недели после начала так называемой кулацкой операции, заместитель наркома внутренних дел СССР Л.Н. Бельский докладывал наркому Ежову: «Сообщаю данные о проведенной работе по очистке аппарата НКВД УССР от заговорщиков, шпионов, уголовников, авантюристов и кулаков. Всего арестовано с 15 июня 158 человек, из них: сотрудников УГБ — 92, служащих погранохраны и внутренних войск — 31, сотрудников НКВД — 29 и работников милиции — 6. Следствием установлено об участии 27 чел[овек] в антисоветском заговоре: польских шпионов — 16, немецких шпионов — 6, румынских шпионов — 8. За это же время из органов УГБ НКВД УССР по различным компрометирующим материалам уволено 133 человека... Такое положение с кадрами на Украине создано в связи с тем, что во главе Наркомата был предатель, заговорщик, шпион Балицкий¹²⁵, его заместитель Кацнельский¹²⁶, что основные руководящие посты занимали заговорщики»¹²⁷.

После этих слов приводился список арестованных руководителей органов внутренних дел УССР и давалась следующая оценка их деятельности: «Эти преступники, предатели, заговорщики и шпионы подбирали в аппарат разложенных и политически скомпрометированных людей и из них вербовали заговорщиков, создавали видимость борьбы с контрреволюцией за счет создания ряда провокационных дел через агентов иностранных разведок. Кроме того, среди руко-

¹²⁵ Балицкий Всеволод Аполлонович занимал должность наркома внутренних дел Украины с 15 июля 1934 г. до 11 мая 1937 г. Был арестован 7 июля 1937 г. и 27 ноября того же года расстрелян.

¹²⁶ В тексте явная опечатка. На самом деле здесь имеется в виду Кацнельсон Зиновий Борисович, занимавший с июля 1934 г. до апреля 1937 г. пост заместителя НКВД Украины. Арестован он был 17 июля 1937 г., а 10 марта 1938 г. его расстреляли.

¹²⁷ Докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР Л. Н. Бельского наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову о проведении репрессий в Украине по состоянию на 25 августа 1937 г. 27 августа 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Том 1. 1937 г. Подготовка приказа № 00447, первый этап «кулацкой операции». М., 2010. С. 174.

водящих кадров процветает пьянство, разврат, казнокрадство, а честных, преданных партии и Советской власти работников преследовали»¹²⁸.

В заключение докладной записки Бельский констатировал: «Конечно, проведенная работа по очистке аппарата за этот период в определенной степени оздоровила обстановку, подняла активность людей, выдвинуты совершенно новые молодые кадры. Но вместе с этим предстоит еще огромная работа по дальнейшей очистке аппарата от врагов, шпионов, провокаторов и бездельников»¹²⁹.

Настоящая, широкомасштабная чистка органов внутренних дел СССР начнется с середины ноября 1938 года, после завершения массовых репрессивных операций против бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов, после приостановки деятельности троек. Протоколы допросов арестованных работников НКВД и обвинительные заключения в отношении них показывают, что главным образом именно допускаясь ими при осуществлении данных операций грубейшие нарушения законов ставились им в вину, ложились в основание их обвинений в заговорщической деятельности. Так, допрос Н.И. Ежова, состоявшийся 4 августа 1939 года целиком был посвящен «провокационной практике» осуществления органами НКВД СССР в 1937–1938 годах массовых операций «по репрессированию бывших кулаков, к-р. духовенства, уголовников и перебежчиков различных сопредельных с СССР стран»¹³⁰.

О преступном характере действий сотрудников внутренних дел при проведении массовых репрессий шла речь и в справке о состоянии дел в НКВД СССР, подписанной Л.П. Берией, А.А. Андреевым и Г.М. Маленковым и направленной 29 января 1939 года секретарю ЦК ВКП (б) Сталину. В этом документе обращалось внимание на допущенные в деятельности органов внутренних дел **«массовые необоснованные аресты ни в чем неповинных людей»**. При этом отмечалось, что их сотрудниками «грубейшим образом

¹²⁸ Там же. С. 175.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ См.: Из протокола допроса обвиняемого Ежова Николая Ивановича. 4 августа 1939 г. // *Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»* – Николай Ежов. М., 2009. С. 367–379.

извращались методы ведения следствия, применялись без разбора **массовые избиения заключенных для вымогательства ложных показаний и “признаний”**. Заранее определялось количество признаний, которых должен был добиться в течение суток каждый следователь от арестованных, причем нормы часто доходили до нескольких десятков “признаний”. Следователями широко применялась практика полного взаимного информирования о содержании полученных показаний. Это давало возможность следователям при допросах своих “арестованных” подсказывать им тем или иным способом факты, обстоятельства, фамилии лиц, о которых были раньше даны показания другими арестованными. В результате очень часто такого рода следствие приводило к организованным оговорам ни в чем неповинных людей.

Для того, чтобы получить большое количество признаний, в ряде органов НКВД прибегали к прямой провокации: уговаривали заключенных дать показания об их, якобы, шпионской работе в пользу иностранных разведок, объясняя при этом, что такого рода вымышленные показания нужны партии и правительству для дискредитации иностранных государств. При этом обещали заключенным освободить их после дачи подобного рода “признаний”¹³¹ (выделено мною. — В.Т.).

Кроме того, в приведенной справке признавалось, что столь же произвольно, как и следователи, действовали и так называемые тройки, выносившие приговоры на основании приказа наркома внутренних дел № 00447. Тот факт, что на одном заседании такой коллегии за один только вечер нередко рассматривалось от 600 до 2000 уголовных дел¹³², явно свидетельствовал об отсутствии какого-либо их разбирательства. Тройки фактически лишь санкционировали то, что предлагали следователи НКВД.

¹³¹ Сопроводительное письмо наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии, секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Андреева и заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК ВКП (б) Г.Маленкова И.В. Сталину к акту приема-сдачи дел в НКВД. 29 января 1939 г. // *Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»* — Николай Ежов. С. 360.

¹³² Данный факт приводится в справке о состоянии дел в НКВД. См.: Там же. С. 360-361.

По данным, приведенным в разделе «Социальный состав арестованных» статистической сводки о работе органов НКВД в 1936–1938 годы, в период с 1 января 1937-го по 1 января 1938 года было арестовано 3 679 сотрудников внутренних дел, а за шесть месяцев 1938 г. (с 1 января до 1 июля) — 3 113¹³³.

Протоколы допросов арестованных сотрудников внутренних дел рисуют чрезвычайно страшную картину происходившего в НКВД во время проведения массовых репрессий. Так, В.А. Ульмер¹³⁴, занимавший с 16 апреля 1937-го до 8 сентября 1938 года пост оперативного секретаря ГУГБ НКВД при его начальнике М.П. Фриновском, рассказал на допросе 14 мая 1939 года: «Согласно решения ЦК ВКП(б), НКВД должен был проводить операцию по ликвидации контрреволюционной базы и очищению страны от кулацких и уголовных элементов, ведущих активную контрреволюционную работу и систематически занимающихся уголовной деятельностью. Изданная по этому вопросу директива (оперативный приказ 447¹³⁵) соответствовал решению ЦК ВКП(б). Однако, в процессе его выполнения были сознательно допущены явные его извращения, а затем и полный произвол. Установленные ПК ВКП(б) цифровые, количественные ограничения размаха операции в заговорщических целях были превышены в 4–5 раз; под категории кулацких и уголовных элементов, дела которых подлежали рассмотрению в упрощенном порядке на тройках, подводились участники контрреволюционных право-троцкистских, эсеровских и других групп и организаций, причем по их делам следствие проводилось на скорую руку; упрощенное рассмотрение дел и полная бесконтрольность были использованы для устранения нежелательных

¹³³ Сводка о работе органов НКВД СССР (без УНКВД по Дальневосточному краю и ДТО ГУГБ Ашхабадской и Дальневосточной жел. дор.) за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. С. 272

¹³⁴ Вольдемар Августович Ульмер, швед по происхождению, был арестован 20 апреля 1939 г. 16 февраля 1940 г. Был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 15 годам лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 58⁷, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Умер в заключении 28 марта 1945 г. 26 ноября 1955 г. был реабилитирован.

¹³⁵ В действительности приказ имел номер 00447. Два ноля обозначали в данном случае режим строгой секретности. — В.Т.

местным органам НКВД лиц. Были организованы полный произвол, нарушение и извращения самых элементарных положений карательной политики. Используя право упрощенного рассмотрения дел, руководители местных органов НКВД обратили его на разгром партийных и комсомольских организаций, на террор по отношению к населению, на создание массовых недовольств партией и правительством. Весь этот чудовищный разгул поощрялся и направлялся ЕЖОВЫМ и ФРИНОВСКИМ. Делалось это с клеветнической мотивировкой, что мы выполняем решение ЦК ВКП(б)»¹³⁶.

Далее В.А. Ульмер сообщил, что учетом лимитов, предоставленным местным органам внутренних дел по «кулацкой» операции, руководством НКВД было поручено ведать именно ему. Однажды Ульмер произвел их подсчет по областям и доложил результаты Фриновскому, но тот отругал его и сказал, что эти подсчеты — «филькина грамота, что цифры — значительно больше», а чтобы узнать какие конкретно, приказал справиться у Шапиро (секретаря Ежова). «Из разговора по этому вопросу с ШАПИРО, — сообщил Ульмер следователю, — я узнал, что ЕЖОВ самостоятельно увеличил цифры лимитов, но сколько и кому ЕЖОВ дал лимитов по телефону, ШАПИРО точно не знает»¹³⁷.

Открытое и грубое беззаконие при осуществлении репрессий сотрудниками НКВД ставило в весьма странное положение прокуратуру и прежде всего прокурора СССР Вышинского. Бывший нарком внутренних дел Н.И. Ежов на допросе 4 августа 1939 года при ответе на вопрос следователя Эсаулова о том, «каким образом проводя эту явно очевидную и преступную практику репрессий вам удавалось обманывать органы прокурорского надзора?» ответил: «Я не могу сказать, что здесь был у нас какой-либо продуманный план сознательного обмана органов прокуратуры. Прокуроры областей, краев и республик, а также прокуратура Союза ССР не могли не видеть столь очевидной преступной практики массовых провокационных репрессий и фальсификации следственных данных,

¹³⁶ Из протокола допроса Ульмера В. А. 14 мая 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938. С. 205.

¹³⁷ Там же. С. 206.

так как несли вместе с НКВД ответственность за рассмотрение этих дел»¹³⁸.

«Вы говорите о местных органах Прокуратуры. А в Прокуратуре СССР разве не видели этих преступных махинаций?» – решил уточнить следователь. «Прокуратура Союза ССР не могла, конечно, не заметить всех этих извращений, – сказал Ежов. – Поведение прокуратуры Союза ССР и, в частности, Прокурора СССР Вышинского я объясняю той же боязнью поссориться с НКВД и показать себя не менее “революционным” в смысле проведения массовых репрессий. К этому заключению я прихожу еще и потому, что Вышинский не раз мне лично говорил о десятках тысяч поступающих в Прокуратуру жалоб, на которые он не обращает внимания. Точно так же за всё время проведения операций я не помню ни одного случая протеста Вышинского по массовым операциям, тогда как были случаи, когда он настаивал на более суровых приговорах в отношении тех или иных лиц. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за массовыми операциями и отсутствие их протестов на действия НКВД в правительство. Повторяю, что никаких продуманных планов обмана прокуратуры у нас – заговорщиков и, в частности у меня – не было»¹³⁹.

Бывший оперативный секретарь ГУГБ НКВД В.А. Ульмер на допросе представил взаимоотношения прокуратуры и органов внутренних дел в процессе осуществления массовых репрессий в более благоприятном для прокурорских работников свете: «Когда из разных мест в прокуратуру стали поступать жалобы и заявления граждан о произволе, творимом органами НКВД, и прокуратура стала ставить вопрос о пересмотре некоторых дел и принятия мер к прекращению произвола, то ФРИНОВСКИЙ дал мне четкую антисоветскую установку не обращать на эти требования внимания. Отдельные представители прокуратуры СССР приходили к ФРИНОВСКОМУ за результатами своих запросов. ФРИНОВСКИЙ

¹³⁸ Из протокола допроса обвиняемого Ежова Николая Ивановича. 4 августа 1939 г. С. 378.

¹³⁹ Там же. С. 378–379.

вызывал меня и в присутствии прокурора давал указание своевременно отвечать на письма от прокуратуры, а после ухода прокурора ФРИНОВСКИИ мне говорил, чтобы я ответов не посылал. Выполняя эту установку ФРИНОВСКОГО, я тормозил дачу ответов прокуратуре и не принимал мер к производству расследования по требованию прокуратуры»¹⁴⁰.

Разоблачительные показания относительно порядков, господствовавших в органах внутренних дел во время проведения массовых репрессий, дал и начальник секретариата НКВД И.И. Шапиро¹⁴¹. На допросе 19 ноября 1938 года он сообщил заместителю наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия и начальнику 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР Б.З. Кобулову, что операции «по разгрому контрреволюционных, националистических шпионских формирований», в отношении которых дела разбирались во внесудебном порядке, осуществлялись без предварительной «организационной подготовки, повседневного руководства и контроля за следственно-оперативной работой на местах», хотя в большинстве местных УНКВД руководящие должности занимали молодые работники, без достаточного оперативного опыта. «Циркуляры и инструкции, которые были разработаны руководством НКВД, не давали достаточно четких установок и ориентации в этом деле местным органам НКВД. Вся работа шла самотеком, места были предоставлены

¹⁴⁰ Из протокола допроса Ульмера В. А. 14 мая 1939 г. С. 206.

¹⁴¹ В постановлении о привлечении И.И. Шапиро к уголовной ответственности по ст. 58¹, датированном 4 февраля 1939 г., приведены следующие сведения: «Шапиро Исаак Ильич, 1895 г.р., уроженец г. Борисова в Белоруссии, граждан и 11 СССР, бывший член ВКП(б) с 1919 года, до ареста начальник 1-го Спецотдела НКВД, изобличается имеющимися материалами в антисоветской деятельности. Работая начальником секретариата НКВД Шапиро, скрыл прямые показания и материалы на Николаева, Прокофьева и Исакова, изобличающие их в заговорщической деятельности. Так Шапиро в контрреволюционных целях было скрыто большое количество материала, изобличающего ряд ответственных работников НКВД в антисоветской деятельности. Позднее все эти люди были арестованы» (Постановление о привлечении Шапиро И.И. к уголовной ответственности. 4 февраля 1939 г. // *Дугин А.Н.* Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938. С. 101). И.И. Шапиро был арестован 13 ноября 1938 г. 4 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, на следующий день приговор был приведен в исполнение. 28 ноября 1956 г. Военная коллегия Верховного суда отменила приговор за отсутствием состава преступления.

сами себе. Все это привело к тому, что, наряду с проведением органами НКВД большой работы по разгрому контрреволюционных националистических шпионских формирований, в процессе этой работы был допущен ряд перегибов и вопиющих безобразий, приведших по существу, в ряде случаев, к вредительству»¹⁴².

Рассказывая о преступлениях, совершавшихся сотрудниками НКВД при проведении массовых репрессий, И.И. Шапиро упомянул случай, когда начальник одного из московских районных отделений внутренних дел для того, чтобы приобрести себе квартиру, «подвел под массовую операцию по полякам ее жильцов, хотя арестованные никакого отношения к полякам не имели»¹⁴³. По его словам, «из УНКВД по Свердловской области представлялись на рассмотрение следственные дела, в которых фигурировали поляки, а на проверку многие оказались русскими. Такие же случаи имели место по ряду других областей.

Из ДВК по телеграфу представили на рассмотрение внесудебным порядком справки на арестованных, по которым, якобы, следственные дела уже закончены. В действительности же, в момент представления справок люди еще ни разу не допрашивались.

Другого порядка извращения заключались в том, что по операциям по контрреволюционным националистическим формированиям (латыши, поляки, румыны) арестовывались в преобладающей степени русские или украинские колхозники, рабочие и т. д. »¹⁴⁴.

О том, что сотрудники НКВД в процессе осуществления массовых репрессий превращались в патологических преступников и не знали границ в издевательствах над подследственными, а на основании приказов наркома Ежова о репрессивных операциях против советских граждан иностранного происхождения они в действительности репрессировали немало русских, свидетельствовал в своем заявлении, поданном 11 апреля 1939 года на имя нового наркома внутренних дел Л.П. Берии и бывший начальник ГУГБ НКВД СССР М.П. Фриновский. «По массовым операциям, — сообщал он, — в самом

¹⁴² Из протокола допроса И. И. Шапиро. 19 ноября 1938 г. // *Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938.* С. 83.

¹⁴³ Там же. С. 84.

¹⁴⁴ Там же.

начале была спущена директива ЕЖОВА в полном соответствии с решением правительства, и первые месяцы они протекали нормально. Вскоре было установлено, что в ряде краев и областей и, особенно в Орджоникидзевском крае, были случаи убийства арестованных на допросах и в последующем дела на них оформлялись через тройку как на приговоренных к расстрелу. К этому же периоду стали поступать данные о безобразиях и из других областей, в частности с Урала, Белоруссии, Оренбурга, Ленинграда и Украины.

Особенно сильно возросли безобразия, когда дополнительно к проводимым массовым операциям в краях и областях была спущена директива о репрессировании инациональностей, подозрительных по шпионажу, связям с консульствами иностранных государств, перебежчиков. В Ленинградской, Свердловской областях, в Белорусской ССР, на Украине стали арестовывать коренных жителей СССР, обвиняя их в связях с иностранцами. Нередки были случаи, когда никаких данных о подобной связи не было»¹⁴⁵.

Оказавшись за свои преступления под следствием, бывшие сотрудники НКВД охотно рассказывали на допросах о приемах, применявшихся в их ведомстве для получения от арестованных признания своей вины в преступлениях, которые они не совершали. Так, И.И. Шапиро сообщил, что следователи нередко предлагали арестованным «подписать протокол признания в шпионской деятельности, якобы для того, чтобы представить затем контр-счет иностранным государствам по поводу их шпионской деятельности на территории СССР. Следователь в таких случаях говорил, что такие признания сейчас крайне важны в виду сложившейся международной обстановки, что подписание такого протокола ничем не грозит арестованному, который вскоре будет выпущен на свободу»¹⁴⁶. По свидетельству Шапиро, такие же разговоры вели не только

¹⁴⁵ Заявление арестованного М.П. Фриновского народному комиссару внутренних дел СССР комиссару государственной безопасности 1-го ранга Л.П. Берии. 11 апреля 1939 г. // Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 48.

¹⁴⁶ Из протокола допроса И. И. Шапиро. 19 ноября 1938 г. С. 84.

следователи на допросах, но и некоторые специально «подготовленные» ими арестованные в самих камерах.

Из показаний Шапиро вытекало, что в НКВД в 1937–1938 годах сложился особый, замкнутый мирок, в котором действовали свои собственные законы. Руководство наркомата прилагало немалые усилия, чтобы сведения о реальном положении дел в НКВД не дошли до Сталина. «О ходе оперативно-следственной работы НКВД по массовым операциям ЦК партии информировался неправильно, — показывал Шапиро на допросе 19 ноября 1938 года. — Я не помню ни одного случая, чтобы в ЦК был направлен какой-либо документ, свидетельствующий об известных перегибах в проведении операций. Наоборот, в ЦК посылались лишь такие документы (справки, меморандумы, докладные записки, сводки), которые характеризовали проведение оперативной работы только с одной положительной стороны. Честно ЦК не информировали о создавшемся положении дел ни ЕЖОВ, ни ФРИНОВСКИЙ»¹⁴⁷.

Эта невероятная на первый взгляд ситуация подтверждается показаниями других сотрудников органов внутренних дел. Так, бывший заместитель начальника отдела кадров НКВД СССР С.Б. Балаян, арестованный в начале сентября 1938 года, на допросе в декабре того же года рассказал о весьма примечательном случае: «В июле 1938 года, в мое отсутствие, из ОРПО ЦК ВКП(б) просили прислать для просмотра личные дела всех начальников УНКВД. Шапиро дал указание (ссылаясь на ЕЖОВА) эти дела не выдавать. Далее звонил Маленков с тем же требованием, но Ежов распорядился через Шапиро эти дела не отдавать в ЦК, сказав, что они (дела) находятся в рабочем кабинете самого ЕЖОВА и взять их сейчас нельзя»¹⁴⁸.

В своих показаниях на допросе 29 декабря 1939 года И.И. Шапиро раскрыл особенности процедуры передачи уголовных дел из НКВД на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. Как выяснилось, на практике она мало чем отличалась от упрощенной процедуры передачи дел на рассмотрение троек, установленной в

¹⁴⁷ Там же. С. 86.

¹⁴⁸ Из показаний Балаяна С.Б. 13–15 декабря 1938 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938. С. 90.

приказе Ежова № 00447. «Существовал порядок, — пояснял Шапиро, — при котором законченные следствием дела докладывались специальной комиссии при НКВД (Фриновский, Ульрих¹⁴⁹, Рогинский¹⁵⁰), которая определяла направление дел в судебные органы. Списки лиц, подлежащих суду Военной Коллегии, представлялись затем на утверждение соответствующих инстанций, после чего дела передавались на рассмотрение Военной Коллегии. Однако, вопреки существовавшего порядка, были случаи, когда ЕЖОВ требовал от тюремного отдела списки арестованных, и только по этим спискам самолично определял, какие дела передать на рассмотрение Военной коллегии, не справлялся предварительно — закончены ли следствием эти дела, нужны ли еще арестованные по этим делам для дальнейшего следствия, подсудны ли они Военной коллегии, и т. д. На основе его пометок составлялись списки лиц, подлежащих суду Военной коллегии, которые (списки) ЕЖОВ представлял на утверждение инстанции. В составленные таким образом списки включались арестованные, следствие по которым не только не было закончено, но даже по существу еще не начиналось, лица, которые не подлежали вообще суду Военной Коллегии и т. д. Для отделов такие списки являлись полной неожиданностью, так как они с ними даже не согласовывались [...] Такая вредительская практика приводила к тому, что ряд крайне важных и интересных для следствия дел смазывались, комкались и по ним по существу ничего не выявлялось, а наряду с этим в тюрьмах сидели арестованные, которые в течение года ни разу не допрашивались»¹⁵¹.

Приказы наркома внутренних дел предполагали осуществление репрессивных операций в отношении конкретных групп населения. Но сколько-нибудь эффективного контроля за этими операциями — за тем, кто на самом деле арестовывался и осуждался на лишение свободы или жизни, — не было. И на то были причины.

¹⁴⁹ Имеется в виду председатель Военной коллегии Верховного суда Василий Васильевич Ульрих (1889–1951).

¹⁵⁰ Имеется в виду заместитель прокурора СССР, курировавший НКВД, Григорий Константинович Рогинский (1895–1959).

¹⁵¹ Из протокола допроса И. И. Шапиро. 29 декабря 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938. С. 95–96.

С одной стороны, установлению контроля мешала массовость репрессий. С другой – проверочные механизмы не вводились в действие и вполне сознательно. Ограниченные, упорядоченные репрессии, осуществляемые по четко определенным основаниям, не вызвали бы такого страха в обществе, какой порождали репрессии ничем не ограниченные, предельно хаотичные, предполагающие аресты и осуждение не по законным основаниям, а по желанию или равнодушию сотрудников НКВД.

Партийные функционеры не входили ни в одну из групп населения, обрекавшихся приказами наркома внутренних дел на уничтожение. Но кто мог помешать сотрудникам НКВД включить кого-то из них в какую-то из этих групп.

*Из протокола допроса
бывшего оперативного секретаря ГУГБ НКВД В.А. Ульмера
от 14 мая 1939 года:*

«Особенно открытые и жестокие по своим формам были разгул и перегибы по Орджоникидзевскому краю, где были выбиты почти полностью партийные организации нескольких районов. Из Орджоникидзевского края поступило наибольшее количество жалоб и заявлений от арестованных и их жен, вплоть до присылки в НКВД окровавленных рубаш»¹⁵².

¹⁵² Из протокола допроса Ульмера В. А. 14 мая 1939 г. С. 206.